

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяцъ . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяцъ . . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ 8 р. —

на 9 мѣсяцъ . . 6 р. —

на 6 мѣсяцъ . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поварской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,

Надеждинская, д. 19, кв. 32 а

также въ книж. маг., Вол-

фа, Нев., Гостин. дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газеты «Сибирь»

Въ Омскѣ—въ книжн. ма-

газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Незаслуженные упреки.—Хроника.—Корреспонденціи: съ Китайской границы, изъ Екатеринбургa, съ Енисейка, изъ Усть-каменогорска, изъ Киренскаго округа.—Колоніи, какъ важная ступень въ развитіи человѣчества. Дм. Завалишина.—Поземельный вопросъ за Ураломъ. N.—Изъ страны чудесъ и курьезовъ (фельетонъ).—Хроника жизни за недѣлю.—Среди Тунгусовъ и Якутовъ (библіографія). Г. Потанина.—Опечатки.—Виржевыя извѣстія.

НЕЗАСЛУЖЕННЫЕ УПРЕКИ.

(Отвѣтъ на статью «Задачи мѣстной печати», «Сибир. Газ.», № 20).

„Познать самого себя“—задача столько же необходимая для человѣка, какъ и общества. Познаніе это совершается постепенно, по мѣрѣ его роста и развитія. Общества и государства, вступившія въ фазисъ цивилизаціи, обладают обширнымъ знаніемъ своего прошлаго и условій настоящаго существованія (къ этому типу принадлежатъ европейскія націи). Общества, мало развитыя, невѣжественныя, гдѣ наука только что прививается и гдѣ она, такъ сказать, еще чуждая, раздражительная, тамъ, конечно, знанія собственныхъ условій весьма мало развиты. Здѣсь приходится еще доказывать какъ пользу наукъ, такъ и необходимость самопознанія и извѣстную самостоятельность, какъ въ трудѣ, такъ и методѣ. (Въ такихъ обществахъ борются всегда два направленія: космополитическое—раздражительное, и національное—народническое, въ двухъ своихъ крайностяхъ). Наконецъ, есть еще типъ обществъ,—это общество, занимающее новыя страны и создающее жизнь въ новыхъ условіяхъ. Здѣсь изслѣдованія больше, чѣмъ гдѣ либо, необходимы, какъ и изученіе самой страны; но силы общества и населенія слишкомъ слабы въ виду обширности задачъ, которыя выпадаютъ на небольшую группу пионеровъ. Въ этихъ случаяхъ помощь притекаетъ извнѣ. Такъ совершаются открытія и изслѣдованія въ новоприобрѣтенныхъ странахъ и колоніяхъ.

Эти страны также привлекаютъ ученыхъ и изслѣдователей. Но изслѣдованія ихъ особаго рода, они совершаются или въ цѣляхъ, чистой науки, или съ цѣлью эксплуатаціи новыхъ странъ и вывоза изъ нихъ богатствъ. Потребность общества изучать самого себя, въ видахъ собственныхъ интересовъ и интересовъ населенія, здѣсь еще, повидимому, не народилась. Здѣсь еще не сформировалось жизни, люди не сплотились въ общество, не справились съ дѣлами; здѣсь еще не создано научныхъ центровъ, нѣтъ литературы, интеллигенціи, не народилось гражданской идеи. Таково положеніе всѣхъ но-

выхъ странъ и образующихся молодыхъ обществъ, таково положеніе нашего Востока и Сибири. Къ такимъ обществамъ, конечно, нельзя прилагать мѣрку требованія, какъ къ странамъ сформировавшимся, обладающимъ силами, начавшимъ сознательную міровую жизнь, понявшимъ цѣли жизни и разрѣшившимъ многіе вопросы. Тѣмъ не менѣе, потребности человѣческой жизни и здѣсь даютъ себя знать. Эти потребности чувствуются здѣсь даже шире, планы грандіознѣе, жизнь слагается въ подобныхъ мѣстахъ оригинально, множество явленій въ новыхъ условіяхъ жизни становятся совершенно непонятными. Здѣсь болѣе неизвѣстности, загадочности, а, стало быть, и потребности изученія. У такихъ обществъ вся жизнь впереди будущее открываетъ обширное поле для мечтательности, арена дѣйствительности поразительно велика для приложенія труда, дѣвственная страна ждетъ приложенія силъ человѣка. А силъ нѣтъ! Отъ этого, образованный человѣкъ, видя могущество природы и слабость человѣка, массу труда и ничтожество силъ, запросъ знанія и его отсутствіе, недостатокъ изслѣдованій, сознанія своихъ задачъ, тупое непониманіе своего будущаго, чувствуетъ какое-то уныніе и досаду. Таково ощущеніе всякаго пріѣзжаго въ Сибирь изъ болѣе оживленныхъ дѣятельностью центровъ. Мы хорошо понимаемъ поэтому массу вопросовъ и неожиданностей, на которые наталкивается здѣсь пріѣзжій человѣкъ, понимаемъ и массу укоровъ, которые вырываются у него въ досадѣ на это общество.

Рядъ такихъ вопросовъ и укоровъ, обращенныхъ къ наукѣ, къ изслѣдователямъ, къ сибирскому обществу и печати, мы прочли на-дняхъ въ одномъ письмѣ заѣзжаго человѣка, напечатанномъ въ „Сибирской Газетѣ“. Вотъ изъ него существенныя извлеченія:

«Сибирь съ ея неисчерпаемыми земельными богатствами, съ ея черноземомъ, дешевымъ хлѣбомъ, богатымъ мужикомъ и сытымъ работникомъ,—Сибирь имѣетъ передъ собою великое будущее. Но все это еще дѣло будущаго. Пока я вижу и въ Сибири массу несчастія; я знаю, что и здѣсь люди плачутъ, у меня является желаніе облегчить ихъ горе. Естественно, я прежде всего стараюсь изучить положеніе тѣхъ людей, для пользы которыхъ я хочу работать. Я обра-

щаюсь сначала къ ученымъ: они, надѣюсь я, помогутъ мнѣ уяснить смыслъ мѣстной жизни. Но увя! вмѣсто хлѣба мнѣ подають камень. Я ищу свѣдѣній о народномъ бытѣ, объ обычаяхъ, взглядахъ, интересахъ и надеждахъ народа—и вмѣсто всего этого получаю какой-то непонятный мнѣ „турсукъ“, рожекъ для табаку, пороховницу, башмакъ, бронзовый коль, обломки киргизской медали и т. п. Нѣтъ, думаю, Богъ съ ними, съ „пороховницами“ и съ „бронзовымъ коломъ“. Гдѣ-же мнѣ искать отвѣта на тревожащія меня „проклятые вопросы?“ Я обращаюсь къ мѣстной печати. Но что-же? Читаю одинъ номеръ—въ городѣ А. врачъ не ѣздитъ къ больнымъ; въ деревнѣ В. фельдшеръ занимается ростовщичествомъ; въ посадѣ С. акцизный чиновникъ заставляетъ подолгу ждать просителей; въ селѣ Д. заасфдатель...; въ окружномъ городѣ Е.—исправникъ... и т. д. Беру другой номеръ, опять фельдшеръ, но главное—заасфдатель, приставъ и исправникъ. И такъ вездѣ: въ корреспонденціяхъ—исправникъ, въ фельдтонѣ—исправникъ, съ ярмарки-ли пишутъ—опять объ исправникѣ, въ прозѣ исправникъ, въ стихахъ исправникъ... Что же это такое, наконецъ, думаю я; все исправникъ да заасфдатель, заасфдатель да исправникъ! Неужели-же вся жизнь Сибири только въ исправникѣ и заасфдатель? Неужели все зло только въ заасфдатель? А если и въ самомъ дѣлѣ въ заасфдатель, то укажите мнѣ, какъ это зло поправить, укажите мнѣ тѣ общественные элементы, тѣ здоровыя силы, на которыя я могъ-бы опереться въ борьбѣ со зломъ и неправдой! Возьмемъ такой примѣръ: я человекъ пріѣзжій, по тѣмъ или инымъ причинамъ мнѣ необходимо нѣсколько лѣтъ прожить въ Сибири. Но я не хочу провести это время праздно, я хочу быть полезнымъ тому краю, въ которомъ живу. Я ищу себѣ дѣла и съ первыхъ шаговъ натикаюсь на цѣлый рядъ неразрѣшимыхъ для меня загадокъ и противорѣчій. Я воспитался въ извѣстныхъ принципахъ, среди извѣстнаго рода явленій. Мои принципы просты и ясны, а потому мои конечные идеалы должны когда-нибудь сдѣлаться достояніемъ всего міра. Я это знаю, это говоритъ наука, это говоритъ и сердце. Но пути къ осуществленію начала любви къ ближнему въ разныхъ странахъ различны: нужды народа въ Сибири нныя, какъ въ Россіи. Россійскій крестьянинъ терпитъ нужду въ землѣ, которой онъ готовъ искать даже въ далекой и страшной для него Сибири,—у сибирскаго крестьянина земли вдоволь. Русскій мужикъ покупаетъ хлѣбъ съ Рождества,—сибирскій мужикъ продаетъ хлѣбъ на Петра и Павла! Русскій мужикъ ходитъ въ лаптяхъ,—сибирскій въ бродняхъ, сапогахъ и пимахъ. Русскій мужикъ съ весны ищетъ, гдѣ-бы прихватить работнишки,—сибирскій мужикъ самъ ищетъ работника. Русскій мужикъ „изобрѣтаетъ“ невозможный хлѣбъ,—сибирякъ не хочетъ ѣсть ржаного хлѣба. Я прихожу запросто къ небогатому мужику въ воскресенье и нахожу у него обѣдъ въ два блюда: щи и жаркое! И я доподлинно знаю, что мужикъ небогатый. Какъ-же мнѣ справиться со всеми этими загадками? Руссо говорилъ, что прекрасные палаццо большихъ городовъ напоминають ему о бѣдныхъ лачугахъ деревень. А между тѣмъ я пріѣзжаю въ Сибирь и замѣчаю, что здѣсь въ городахъ лачуги, а въ деревняхъ хорошіе дома. Какъ-же мнѣ быть въ этой диковинной странѣ? Удовлетвориться тѣмъ, что я вижу, я не могу; я не могу сказать: «нынѣ отпущаешь...», когда я вижу повальное пьянство въ городахъ, воровство, невѣжество, болѣзни, грубѣйшее насилие въ семьѣ,—да и мало-ли чего! Я вижу, что здѣсь мужикъ-хозяинъ эксплуатируетъ трудъ работника въ страдное время—и я говорю, что это несправедливо. Но какъ устранить эту несправедливость, когда собственныхъ силъ домохозяина не хватаетъ на уборку той нивы, которую онъ въ силахъ былъ самъ вспахать? Я пріѣзжаю въ осеннее и зимнее время по дорогѣ и вижу съ обѣихъ сторонъ много несжатыхъ полюсъ: вѣдь это трудъ человѣческій пропалъ даромъ, вѣдь это хлѣбъ гниетъ! Я возвращаюсь въ городъ и узнаю, что нельзя не обманывать «самохода», (переселенца), потому что «ѣсть вѣдь всякому надо». Это объясняетъ мнѣ жуликъ и его аргументація такъ неотразима, что я, образованный человекъ, учившійся въ университетѣ, долженъ признать себя побѣжденнымъ со всеми моими высоконравственными и просвѣщенными идеями. А между тѣмъ, вѣдь этой массы гниющего хлѣба было-бы достаточно для пропитанія всѣхъ тѣхъ, кто избралъ себѣ печальную профессію „обманывать самоходовъ“. Я чувствую, что здѣсь что-то неладно; я чувствую, наконецъ, что можно-бы устроиться къ обоюдному удобству и мужика, у котораго гниетъ хлѣбъ, и посельщика, который по неимѣнью хлѣба уводитъ у мужика лошадь, и самохода, котораго обманываетъ тотъ-же посельщикъ, и крестья-

нина-хозяина, который эксплуатируетъ трудъ того-же посельщика въ страдное время. Все это я чувствую, но ничего, какъ слѣдуетъ, не знаю, а безъ знанія не можетъ быть и полезнаго дѣла. Я обращаюсь къ вамъ, гг. корреспонденты всѣхъ градовъ и весей, я ищу у васъ разъясненій, а вы мнѣ отвѣчаете: дифтеритъ, заасфдатель, фельдшеръ, писарь, кулакъ... Да откуда онъ взялся, этотъ кулакъ, когда мужикъ въ землѣ и въ хлѣбѣ не нуждается, когда трудъ дорогъ? Откуда его сила, этого кулака? Разрѣшите всѣ противорѣчія, которыя я вамъ указалъ, отвѣчайте на поставленные мною вопросы;—укажите мнѣ съ наивозможною подробностью взаимныя отношенія между различными факторами народной жизни; укажите мнѣ въ этой жизни элементы развитія, на которыхъ я могъ-бы обосновать свою дѣятельность, расскажите мнѣ думы и печали вашего народа,—и тогда, можетъ быть, мы и найдемъ средства, какъ избавить могучій народъ богатой стравы и отъ фельдшера, и отъ писаря, и отъ кулака, и отъ доктора, и отъ всѣхъ другихъ золь и напастей. И тогда, быть можетъ, не будутъ уходить отъ васъ лучшія силы, на абсентеизмъ которыхъ вы жалуетесь,—не будутъ искать дѣла на чужбинѣ, когда дома имъ видно будетъ свое дѣло. А то какъ вы хотите пріохотить къ работѣ на вашу пользу мыслящихъ сыновъ своихъ, которые вкусили отъ древа науки, когда вы этой науки знать не хотите, а вмѣсто нея ставите обличительныя статейки противъ заасфдателей! Расскажите намъ о своемъ народѣ—и тогда не будетъ такихъ, по вашему мнѣнію, курьезовъ, что мыслящій сибирякъ предпочитаетъ работать на пользу народа въ центральныхъ губерніяхъ, чѣмъ въ Сибири изливаться въ безплодныхъ жалобахъ на чиновничество, отъ которыхъ никому ни тепло, ни холодно. («Сиб. Газ.» № 20).

Таково обращеніе пріѣзжаго человека къ мѣстной печати. „Сибирская Газета“ отчасти уже пробовала отвѣтить за себя. Находя упреки автора въ обличеніяхъ очень односторонними и странными, и уломянувъ, что мѣстная печать одновременно даетъ мѣсто и другимъ статьямъ, старающимся пролить свѣтъ на мѣстную жизнь, „Сиб. Газета“ ссылается на изданную ею программу изслѣдованій края для своихъ корреспондентовъ. Обвиненіе это было-бы дѣйствительно странно, скажемъ мы отъ себя, если бы имѣло прямой смыслъ. Но можно ли упрекнуть „подцензурную мѣстную печать“ въ излишкѣ обличеній? Наконецъ, если въ краѣ существуютъ вопіющія злоупотребленія (а каковы они бывають въ Сибири даже на взглядъ правительства—можно судить по ревизіи Сперанскаго), если вопль жизни постоянно заявляетъ о нихъ,—вѣдь печать отражаетъ только мѣстныя жалобы,—то почему же она должна ихъ игнорировать, развѣ они не связаны съ горемъ и несчастіями людей? Хорошо автору въ области отвлеченнаго мышленія и въ области гражданскихъ скорбей мучиться надъ „проклятыми мировыми вопросами“, но каково-то обывателю, жизнь котораго держитъ въ рукахъ какой-нибудь заасфдатель NN и исправникъ Z. Вѣдь и намъ также дѣла нѣтъ до исправника, мы слышимъ также въ столицахъ отъ людей, занятыхъ отвлеченными вопросами, укору: „и что вамъ за охота возиться съ этими исправниками?“—„Господа! да какая же тутъ охота, великъ-ли намъ интересъ въ нихъ?“ но вѣрно нельзя ихъ обойти въ общемъ круговоротѣ мѣстной жизни, и въ виду дѣлаемыхъ заявленій. Явленія и вопросы соціальной жизни обыкновенно цѣпляются одинъ за другого. Возьмите хоть сферу того же экономического быта и вопросъ о кулакахъ: крестьянинъ и инородецъ оббирается кулакомъ; сталкиваясь и изучая силу кулака, вы видите двѣ стороны—обиженнаго и угнетателя. Обиженный и обобранный прежде всего ищетъ защиты у закона. Въ уѣздѣ, въ деревнѣ онъ обращается къ заасфдателю, исправнику—и что же? Онъ убѣждается, что кулакъ находитъ поддержку. Какъ-же не обратить на это вниманіе?

Мы полагаемъ, что авторъ письма хотѣлъ сказать совершенно наоборотъ, онъ хотѣлъ сказать, что мѣстная печать

страдает недостаточностью обличенія, что обличенія эти слишком мелочны, слишком частны. Это можетъ быть! Мелкіе беспорядки находятся въ связи съ крупными. Причинъ ихъ надо искать въ общемъ строѣ, въ связи съ старымъ режимомъ въ Сибири. На этой почвѣ мы сталкиваемся съ вопросомъ организаціи управленія, съ вопросомъ административнымъ, съ вопросами различныхъ реформъ, которые трогала и мѣстная печать. Сибирское, мало развитое общество, жалуясь на исправниковъ, правда, не выяснило себѣ еще связи частныхъ случаевъ съ общими порядками, оно жалуется только на NN или на Z, что и выставляетъ приведенный обличитель, оно не умѣетъ связывать эти частности съ общимъ социальнымъ вопросомъ. Но эта теоретическая неразвитость должна быть адресована только по направленію къ сибирскому обществу, а не къ мѣстной печати. Стало бытъ, письмо получено ею не по адресу.

Далѣе обратимъ вниманіе на упрѣки того же лица, дѣлаемые наукѣ. Молодой и нетерпѣливый авторъ письма, ища разрѣшенія социальнаго вопроса, какъ видно, попалъ въ музей по этнографіи и археологіи и жалуется, что ему показываютъ „турсукъ“, „рожокъ для табаку“ и „мѣдный колъ“. Мы сожалѣемъ прежде всего, что онъ попалъ не туда. Но, надѣмся, онъ не имѣлъ въ виду указать своей жалобой на бесполезность этнографическихъ и даже археологическихъ коллекцій,—у нихъ также есть своя связь съ исторіей человѣчества, съ его бытомъ. Такой связи, по крайней мѣрѣ въ области этнографіи, никакой образованный человекъ не будетъ отрицать. Здѣсь и „турсукъ“ имѣетъ свое мѣсто, рисуя уровень культуры и, можетъ быть, экономическое состояніе различныхъ племенъ. Но мы полагаемъ, что авторъ письма и не доходилъ до отрицанія изученія „бронзоваго періода“ и этнографіи. Мы полагаемъ, что авторъ письма опять-таки хотѣлъ сказать совершенно другое. Онъ хотѣлъ сказать, что въ Сибири произведено весьма много географическихъ, естественно-историческихъ, геологическихъ, ботаническихъ и всевозможныхъ путешествій, что въ Сибири начались изслѣдованія этнографическія и археологическія, а нѣтъ только еще изслѣдованій современной экономической жизни народа въ Сибири, его хозяйства, его нуждъ, какъ и не собрано матеріала для разрѣшенія очередныхъ общественныхъ вопросовъ. Словомъ, въ области науки забытъ только современный человекъ съ его насущными нуждами. Въ этомъ случаѣ, указанія и упрѣки до известной степени справедливы. Недавно на то же указывалъ авторъ глубоко-философской статьи о Сибири, подъ названіемъ „Зеркало Россіи“. Онъ говоритъ: „Путешествій въ Сибирь и ученыхъ экспедицій было много. Изслѣдованій ими сдѣлано весьма немало, но странное дѣло, что все изслѣдованія не касаются прямо того русскаго населенія, которое издавна поселилось и размножилось въ центральной, такъ сказать, части Сибири. Все этнографическія изслѣдованія, какъ иностранныхъ путешественниковъ, такъ и русскихъ, сосредоточены на окраинныхъ частяхъ Сибири, на живущихъ тамъ инородцахъ. Все путешественники, проѣзжая центральныя мѣста Сибири, только „прокатываясь“, игнорировали ихъ и составляли о нихъ ложное понятіе“. („Русская Мысль“).

Такимъ образомъ, упрѣкъ этотъ въ отсутствіи самыхъ существенныхъ изслѣдованій въ Сибири—имѣетъ основаніе. Для того, чтобы понять, какъ это случилось, надо поискать объясненія въ исторіи научныхъ изслѣдованій. Первое время

Сибирь интересовала Россію и ученыхъ, какъ terra incognita. Здѣсь совершались географическія открытія. Открытія эти увлекли людей науки далеко въ глубь Азіи. Манія эта доселѣ продолжается. Сибирь въ прежнее время представляла страну пустынную и обитаемую чуждыми племенами. На нихъ, то и было сосредоточено главнымъ образомъ вниманіе изслѣдователей. Пока шли эти изслѣдованія, назади однако сформировалось цѣлое общество, цѣлая русская жизнь съ весьма оригинальнымъ складомъ, жизнь, которую мы не постигаемъ и передъ которой задаемся вопросами.

Что касается практическаго значенія научныхъ изслѣдованій въ Сибири и ихъ пользы, то они также были направлены въ другую сторону. Здѣсь преобладали цѣли промышленныя, Сибирь привлекала богатствами—и вотъ нужно было изслѣдовать ея металлическія и минералогическія богатства: далѣе сформировались торговыя экспедиціи, имѣвшія въ виду торговыя цѣли, изслѣдованіе морей, сокращеніе путей сообщенія и облегченіе вывоза богатствъ изъ Сибири. Это стремленіе мы и теперь видимъ въ стремленіи иностранцевъ въ Сибирь. Норденшельдъ, Бремъ и друг. этого не скрывали. Служа то чисто отвлеченнымъ, то промышленнымъ цѣлямъ, наука еще не соприкасалась съ жизненными вопросами трудового мѣстнаго населенія Сибири.

Ни ученые общества, отданныя чистой наукѣ, ни промышленные классы Сибири, ни золотопромышленники не были заинтересованы этими изслѣдованіями. Сибирскій капиталистъ часто сочувствовалъ отвлеченной наукѣ, онъ покровительствовалъ многому, что можетъ быть названо роскошью цивилизаціи, но не могъ поощрять вопросовъ народнаго труда и народнаго быта. Мы не споримъ, что очередь этихъ изслѣдованій наступила, что изслѣдованія для Сибири внутренней экономической жизни и сложившихся отношеній—теперь важнѣе всего. Безъ этихъ изслѣдованій и наблюденій не могутъ быть разрѣшены сибирскіе „проклятые вопросы“. Но мы сомнѣваемся однако, помогутъ-ли здѣсь одни корреспонденты? Можетъ быть, здѣсь нужны болѣе капитальные труды, организація изслѣдованій по всей Сибири, необходимы экспедиціи и комиссіи, какія учреждались въ Россіи по хлѣбной торговлѣ, по изслѣдованію крестьянскаго хозяйства и т. п.

Если изслѣдованіе народнаго быта волнуетъ русское общество и создало здѣсь цѣлое направленіе, если здѣсь выдвинулись уже силы, то далеко не то представляется въ Сибири.

Кому выдастся осуществить тамъ эту работу—земству или интеллигенціи,—это дѣло будущаго. Что сибирское общество довольно равнодушно пока къ подобнымъ задачамъ, доказываетъ довольно плачевное положеніе двухъ сибирскихъ отдѣловъ географическаго общества. Спросите, много-ли въ нихъ внесло общество пожертвованій на изслѣдованія края, много-ли помогло имъ? А вѣдь тратились же сотни тысячъ для иностранныхъ экспедицій. Гибель „Жанетты“ и скитанія Норденшельда потрясаютъ сердце, производятъ шумъ въ обществѣ, не потрясаютъ его только смерть и эпидемія мѣстнаго населенія.

Мѣстная печать, которую винить пріѣзжій авторъ, не въ силахъ все создать. Она можетъ только указывать направленіе и пробуждать сознаніе въ обществѣ. Пусть авторъ припомнитъ положеніе этой печати. До сихъ поръ нѣтъ у Сибири даже органовъ на подобіе журналовъ, гдѣ могли бы сосредото-

ваться капитальныя изслѣдованія и большія статьи. Мѣстные органы должны еще пробивать кору общественнаго равнодушія. Часто сибирскіе кулаки и монополисты вооружаются на эту печать и составляютъ комплотъ и силу, противодѣйствующую всякому развитію.

У сибирскаго общества, говорятъ, не достаетъ сознанія своихъ гражданскихъ обязанностей, оно не создало еще своей гражданской вѣры и идеала, поэтому у него нѣтъ и глубокихъ привязанностей къ странѣ своей, нѣтъ плодотворнаго труда, а образованные люди Сибири ищутъ дѣла на сторонѣ. Мы знаемъ, что эта сознательная любовь къ краю дѣйствительно еще не проявилась. Сибирь не выдѣлила массы общественныхъ слугъ и работниковъ. Все это такъ! Но, скажите, кто же, кто, какъ не мѣстная печать, какъ не она одна пока стремилась пробудить это сознаніе и общественную совѣсть?!

ХРОНИКА.

По словамъ „Новаго Времени“, въ Архангельскъ прибыло судно голландской полярной экспедиціи „William Varents“. Отправляясь въ Карское море для изслѣдованія и отысканія потерявшихся „Dimphud“ и „Wagna“, оно въ Карскихъ воротахъ встрѣтило льды, что заставило его зайти въ Архангельскъ. Миниатюрные размѣры судна обращаютъ на себя общее вниманіе.

„Новости“ слышали, что обсужденіе вопроса объ административномъ раздѣленіи Восточной Сибири значительно подвинулось впередъ. Предположено: Камчаткѣ, Сахалину и Уссурийскому краю присвоить самостоятельное административное значеніе, и только въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ отношеніяхъ подчинить ихъ генераль-губернатору Восточной Сибири. Собственно къ Камчатскому полуострову предложено присоединить восточную часть Якутской области съ Гижигой включительно, а къ Уссурийскому краю отходить часть Амурской области. Такимъ образомъ, получатся три самостоятельные области: островъ Сахалинъ, Камчатская и Уссурийская (собственно пять). Кроме того, посятся слухи, что вопросъ о положеніи Южно-Уссурийскаго края въ настоящее время дѣлательно обсуждается въ правительственныхъ сферахъ. Поводомъ къ тому послужили разныя недоразумѣнія, возникшія въ послѣднее время между русскими властями означеннаго края и китайскими авантюристами.

Въ послѣднихъ нумерахъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ напечатанъ любопытный приказъ генерала Черняева. Вотъ онъ: „5 минувшаго марта, на второмъ перегонѣ отъ Ташкента къ Чемкенту, при крутомъ спускѣ къ р. Келесу, ямщикъ, несмотря на приказаніе сдерживать лошадей, разогналъ ихъ со всего разбѣга, вогналъ экипажъ съ обрывистаго берега въ рѣку и сломалъ, причемъ только благодаря прочности экипажа и счастливой случайности я остался невредимъ“.

„Такое отношеніе служащихъ на станціяхъ къ безопасности проѣзда главнаго начальника края достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, какимъ неудобствамъ и лишеніямъ должны подвергаться, при существующихъ безпорядкахъ, проѣзжающіе по частной надобности и вообще лица, неогражденныя служебнымъ своимъ положеніемъ отъ небрежнаго къ нимъ отношенія завѣдывающихъ станціями“.

Изъ Тюкалинска Тобольской губ., пишутъ въ „Русск. Вѣдомости“, что нигдѣ, кажется, кабакъ не онуталъ такъ крестьянство своими сѣтями, какъ въ благодатной Сибири. Это по-истинѣ язва сибирская, противъ которой все лучшее возстаетъ и возмущается. Приговоры на открытіе кабака по большей части составляются подъ вліяніемъ мѣстныхъ воротилъ и богачей, которые состоятъ въ тѣсной и пріятельской связи съ крупными виноторговцами. Нѣтъ села, деревни, гдѣ бы не было одного, двухъ и болѣе кабаковъ! Въ самомъ городѣ Тюкалинскѣ, имѣющемъ всего-навсего нѣсколько болѣе 1,500 жителей

обоого пола, насчитывается 17 кабаковъ и 3 склада. Сидѣлецъ пользуется громаднымъ вліяніемъ и часто держитъ населеніе въ страхѣ и послушаніи; онъ и мировой судья, онъ и законодатель, онъ и ростовщикъ и пр. и пр. Рѣдкій изъ нихъ откажется принять украденныя вещи, и почти всѣ—укрыватели конокрадовъ. Лица, попадающія въ сидѣлцы, по большей части люди безъ гроша въ карманѣ, но за то богатые опытомъ надувательства и неостанавливающимися ни передъ какимъ препятствіемъ къ наживательству. Были сидѣлцы, которые открыто въ самомъ городѣ вели пріемъ и сбытъ краденыхъ лошадей. Ни жалобы крестьянъ, ни просьбы ничего не помогали.

Изъ Туяки намъ сообщаютъ: „Дико наше мѣсто, отдѣленное непроходимыми дебрями и горами отъ всѣхъ, даже „сомнительныхъ“ пунктовъ цивилизаціи, какъ сами мы ни тяготѣемъ больше къ Монголіи, чѣмъ къ „пionерамъ культуры“—россіянамъ, какъ ни упорно чуждаемся мы всякаго „свѣта“... что же бы вы думали? Несмотря на это... и у насъ завелась зараза, у насъ есть народники... Но не пугайтесь! Не призывайте всѣхъ громовъ небесныхъ на нашу голову. Не думайте, что наши народники „суть члены-агитаторы социаль-демократизма, сыны погибели, и т. д.“ У насъ не то, со всѣмъ нѣтъ!!! Дѣло у насъ гораздо проще. По Сенькѣ шанка. Наши члены передѣла—кабацкаго. Хоть немножко и странно, за то, не правда ли, просто и... и не страшно. Dulce cum utili. Соединяя же пріятное съ полезнымъ, мы и невинность сохраняемъ, и „капиталъ“ наживаемъ. Да и дѣло, какъ выражается одинъ изъ передѣльцевъ, „совершенно чистое“. Одинъ изъ членовъ этого передѣла—меценатъ-покровитель „случайно мѣстной интеллигенціи“, изучающей окранныя Сибири, знакомый по обверточнымъ бандеролькамъ разныхъ газетъ и журналовъ съ тѣмъ, что въ какой-то „Расѣи“ толкуютъ о благодѣи народа—на кабацкомъ конгрессѣ, повышеніе цѣны на водку-помон мотивировалъ тѣмъ, что „повышая цѣну на водку, мы принесемъ несомнѣнную пользу обществу: вино дорого и его меньше будутъ пить“. Спасибо! Но шестнадцатирублевка ничуть насъ однако не смутила. Сначала почесали было затылки, а потомъ принялись, какъ ни въ чемъ не бывало, по старому „вливать въ свою утробу грѣшную“.

Изъ Витима намъ сообщаютъ что волостной писарь К—ровъ имѣлъ квартиру у крестьянина Я—на; жены ихъ между собою поссорились, и жена Я—на стала просить мужа отказать въ квартирѣ писарю, но неоднократныя предложенія Я. объ этомъ усилъха не имѣли. Не зная, къ кому обратиться съ жалобой на квартиранта, Я. рѣшился выжить К. хитростью, приказавъ работнику снѣгъ, находившійся на крышѣ дома, сбросить подъ окна. Писарь вознегодовалъ на такую дерзость и приказалъ волостнымъ составить актъ, что Я. засориваетъ улицу, или что-то въ родѣ этого, и требовалъ виновнаго въ волость, но Я. въ волость не пошелъ, почему доложили засѣдателю П. „Ослушаніе! неповиновеніе!“ закричалъ блюститель порядка и приказалъ силою привести Я. къ нему. Не успѣли втащить провинившагося, какъ „баринъ“ съ лѣною у рта заоралъ: „какъ ты смѣешь не являться, когда тебя требуютъ? Я тебя за это въ каторгу сошлю!“ Но такъ какъ Я. на это ничего не отвѣчалъ, то П., вѣроятно думая, что слова его не такъ внушительно подѣйствовали на крестьянина, схвативъ его за плечи, повернулъ къ двери и толкнулъ съ силою въ шею, приказавъ посадить „въ чижовку“. Напрасно Я—нъ оправдывался—ничто не помогло. Улучивъ минуту, когда „чижовка“ была не заперта, Я. бѣжалъ, досталъ подорожную и поскакалъ въ Киренскъ, къ исправнику, жаловаться. Арестанта часа чрезъ три хватились—нѣтъ. Наконецъ узнаютъ, что Я. бѣжалъ въ Киренскъ. Не дождая 5-ти станцій до Киренска, волостной голова Казаковъ, имѣвшій строжайшее предписаніе отъ засѣдателя поймать Я. живого или мертваго и привезти въ Витимъ, догналъ его и повезъ обратно, гдѣ, конечно, сейчасъ-же посадили въ секретную. вмѣстѣ съ нимъ арестовали нѣкоего П—наго и жену Я—на, перваго за то, что пособилъ Я—нину достать изъ почтовой конторы подорожную, а послѣднюю—за недонесеніе начальству о побѣгѣ мужа. Арестованныхъ продержали четверо сутокъ и выпустили; тѣмъ дѣло и покончили.

Я—нинъ и П—рвый подали прошенія, первый губернатору, а послѣдній—въ полицію, прося нарядить слѣдствіе и привлечь виновныхъ за лишеніе свободы къ отвѣтственности.

Изъ Владивостока мы получили слѣдующія новости. Первая, — 17 апрѣля, въ день Пасхи, вышелъ первый номеръ газеты „Владивостокъ“, редактируемой г. Соллогубомъ. Печать убожества видна на всемъ: и шрифтъ плохъ, и газета неказиста. Другая новость, надѣлавшая такъ много шуму великимъ постомъ, — объявленіе начальника нашей инженерной дистанціи, подполковника Широкова, вывѣшенное имъ надъ воротами своего двора. Передаемъ его дословно: „запрещается постороннимъ лицамъ ходить чрезъ дворъ начальника инженерной дистанціи. Замѣченные лица будутъ отсылаться въ полицію, или на гауптвахту. Послѣ заката солнца будутъ подстрѣливаться изъ монтекристо“. По распоряженію мѣстныхъ властей, г. Широковъ долженъ былъ снять свою „держку, противозаконную надъ воротами двора вывѣску“. Этого мало. Въ приказѣ по гарнизону авторъ получилъ за это строгій выговоръ отъ генерала Депперадовича.

Прибавимъ, что эти курьезы доходятъ къ намъ иногда вокругъ свѣта. Приятныя свѣдѣнія о подвигахъ соотечественниковъ!

Намъ пишутъ, что ревизія Енисейскаго округа имѣла послѣдствіемъ увольненіе отъ должностей не однихъ исправника и его помощника, но и другихъ должностныхъ лицъ: уволены секретарь полицейскаго управленія Протодьяконовъ, также сидѣвшій на этомъ мѣстѣ много число лѣтъ, и три засѣдателя, въ томъ числѣ занесенный не разъ въ печать рыболовъ и любитель яицъ Оловянишниковъ.

Изъ Туруханскаго края извѣщаютъ, что отдѣльный приставъ Б. творитъ тамъ такія вещи, въ которыя, право, съ трудомъ вѣрится. Систематическое опанваніе инородцевъ, обираніе у нихъ пушинны за казенный хлѣбъ, неуплата имъ денегъ за почтовую гоньбу и другія повинности—все это практикуется имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но странно, что несмотря на частыя газетныя сообщенія объ его подвигахъ, онъ остается попрежнему несокрушимымъ. Даже и объясненій отъ него никакихъ не требуется. Нашелъ было и на него недобрый часъ, да и то миновалъ благополучно. Такъ, въ недавнее время былъ поданъ на него доносъ объ укрывательствѣ случаевъ распространенія сконческой ереси. Повѣрка этого доноса была поручена Енисейскому исправнику, который приступилъ къ ней черезъ полгода. Когда г. Б. получилъ объ этомъ доносѣ извѣщеніе „по секрету“ отъ добрыхъ знакомыхъ, то перетрусилъ не на шутку и въ оправданіе свое не могъ придумать ничего болѣе, какъ дать своему помощнику предписаніе заднимъ числомъ, такого интереснаго содержанія: „Ночью, отворивъ форточку своей квартиры, я услышалъ разговоръ какихъ-то людей, что кто-то осконленъ или будетъ осконленъ; по темнотѣ я не могъ разобрать лицъ говорившихъ, а произведенное мною негласное дознаніе ничего не обнаружало. Вслѣдствіе этого предлагаю вамъ поѣхать въ сконческую деревню Селиваниху и дознать: не осконленъ-ли кто?“ На это онъ получилъ отвѣтъ отъ своего помощника, слѣдующаго содержанія: „Какъ кажется, никто не осконленъ и не будетъ осконленъ, потому что всѣ на видъ здоровы“.—Между тѣмъ, по дознанію исправника, доносъ подтвердился и дѣйствительно обнаружилось совращеніе нѣсколькихъ человѣкъ въ сконческую секту...

Надняхъ въ Красноярскѣ происходилъ не Шемякинъ судъ, а судъ въ квартирѣ члена городской управы, г. Шемякина. Въ качествѣ подсудимаго фигурировалъ полиціймейстеръ г. В—ъ; истцомъ былъ заступающій мѣсто городского головы, г. П—ъ; присяжными засѣдателями — весь составъ городской управы. Дѣло въ томъ, что на пожарѣ 29 апрѣля г. В—овъ позволилъ себѣ оскорбить г. П—кова неумѣстными выраженіями. По привесеніи г. П—вымъ словесной жалобы губернатору, послѣдній приказалъ полиціймейстеру испросить у обиженнаго прощеніе. Г. П—ковъ согласился простить, съ условіемъ, чтобы г. В—овъ принесъ извиненіе въ присутствіи городской управы. Но такъ какъ подобный актъ представлялся слишкомъ торжественнымъ и требовалъ немало самоуниженія, то послѣ долгихъ переговоровъ было порѣшено: представителямъ управы собраться въ домъ члена г. Шемякина, гдѣ и произвести надлежащее сужденіе. Такъ и было сдѣлано. Г. П—овъ, недовольствуясь однако формальною фразою полиціймейстера объ

извиненіи, путемъ словопрениі довелъ его до сознанія въ томъ, что оскорбленіе нанесено имъ „въ нетрезвомъ видѣ“.

Въ Иркутскѣ, какъ сообщаютъ намъ, оянь недавно производились розыски, но не тѣхъ самодуровъ, безобразниковъ и нарушителей порядка, жалобы на которыхъ доходятъ до печати, а розыски корреспондентовъ; понапались однако только подозрѣваемые. Старая исторія! Стремленіе понятное: не будетъ корреспонденцій, — не будетъ и безобразій. Любопытно знать только, по какимъ судебнымъ уставамъ и на основаніи какихъ статей о предупред. и пресѣч. все это производится? Или существуютъ мѣстные кодексы для Сибири?

Любопытно также, было бы, знать, что съ подозрѣваемыми корреспондентами Иркутская полиція учиняетъ?

Въ сибирскихъ городкахъ, въ послѣднее время, сильно развито уничтоженіе собакъ:—здѣсь ихъ, напримѣръ, отравляютъ стрихниномъ (полиціймейстеръ, видите, охотникъ—знаетъ свойство и употребленіе сего вещества). Нѣкоторые горожане жаловались, что вой и стоны издыхающихъ собакъ безпокоятъ ихъ безмятежный сонъ... Въ Зайсанѣ же, годъ тому назадъ, сошедшій со сцены приставъ выдавалъ за избіеніе собакъ солдатамъ призы—по 10 к. за хвостъ. Но солдаты оказались человѣчнѣе: они отрубали только хвосты, которые и представляли г. приставу. Нѣкоторые ухитрились за собачій хвостъ получить по 30 к., разрубая его на три части. Въ это время очень много собакъ оказалось безъ данныхъ природой украшеній. Хвосты эти долго хранились въ приставствѣ уложенными въ ящикъ, но когда разложеніе ихъ стало заражать воздухъ отвратительнымъ запахомъ,—ихъ предумышленно приказано было зарыть за городомъ. О, бѣдные собачьи хвосты и бѣдные администраторы!!

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Съ Китайской границы (корресп. „Вост. Обозр.“). Послѣ ухода изъ Илійскаго края нашихъ властей и войскъ оккупационнаго отряда и выселенія къ намъ выходцевъ, въ Кульджѣ, Суйдунѣ и прочихъ мѣстностяхъ опустѣвшаго Илійскаго края водворилась относительная тишина. Китайскіе люди всѣ за работою, кто на нашихъ, кто бьетъ городскія стѣны. Землепашцы, не говоря уже о солдатахъ, всѣ получили зерно и другую матеріальную помощь. Постройка стѣнъ новаго города, будущей резиденціи Цзянь-Цзюня, потребовала также много рабочихъ рукъ, которыя для частныхъ лицъ стали дороги; дошло до того, что калмыки—дешевѣйшій рабочій элементъ—и тѣ нанимаются по 15 руб. въ мѣсяць. Кульджа, какъ туземная часть съ базаромъ, такъ и бывший русскій новый городъ, запустѣла: все брошено, полуразрушено, народу попадаетса очень мало на пустыхъ улицахъ, вообще картина печальная. Базаръ безъ движенія; сарты-кашгарцы терпѣливо ожидаютъ лучшихъ временъ. Китайскіе чиновники толкуютъ, что, не считая кашгарскихъ выходцевъ, у нихъ осталось таранчей, будто бы, больше тысячи семействъ. Хакимбекомъ надъ ними предполагаютъ назначить Бабаходжу, въ помощники ему—Бекзадбека. Надо замѣтить, впрочемъ, что китайцы преувеличиваютъ цифру остающихся у нихъ; эта цифра относится къ прежнимъ временамъ, задолго до 10 марта сего года; передъ окончаніемъ же срока переселенія, многіе изъ таранчей, которыхъ китайцы считали уже своими подданными, и которымъ выданы были особыя дощечки, замѣняющія наши паспорта, заявляли о переходѣ въ русское подданство, являлись къ китайскому чиновнику Хо-дарыну, завѣдывающему кульджинскимъ населеніемъ, и безъ всякой церемоніи бросали эти дощечки къ нему во дворъ, давая этимъ знать, что они не остаются въ китайскомъ вѣдомствѣ; забросали этими дощечками весь дворъ Хо-дарына. Переселились въ

русскіе предѣлы также и многіе изъ старѣйшихъ таранчинскихъ, получившихъ уже особые охранные листы отъ китайскаго чиновника.

Приведемъ для образчика подобный ордеръ, выданный китайскимъ чиновникомъ таранчину Тагиру Юсупову; вотъ его содержаніе: „Ордеръ чиновника (далоё) завѣдывающаго восточною (дун-тып) частію.

„Содержанія слѣдующаго: Тагиру объявляется, что бѣлый Царь передалъ великому китайскому Богдохану Илійскій край съ прилегающими мѣстностями. Всѣ, желающіе подчиняться великому Хакану и отказывающіеся отъ переселенія, должны написать о томъ заявленіе и явиться къ завѣдывающему восточною частію чиновнику, который дастъ на то ордеръ. Послѣ того, если бы кто сталъ побуждать къ переселенію при помощи насилія, притѣсненія и безпокойства, обижаемый долженъ прибыть къ далоё и заявить ему о томъ. Я, завѣдывающій восточною частію чиновникъ, самъ по законамъ Китайскаго государства разслѣдую и рѣшу, а также буду защитникомъ.

„По этому дѣлу и данъ далоё ордеръ Тагиру въ 8-й день 1 мѣсяца 9 года правленія Гуань-сюй“.

Съ наступленіемъ теплаго времени и улучшенія путей, китайскіе кызаевцы стали тревожить барантой нашихъ при-хоргосскихъ кочевниковъ и отгонять у нихъ скотъ. Много кызаевъ поймано нашими казаками, число постовъ конхъ на граничной линіи увеличено. Китайцы, въ свою очередь, для обезпеченія границы, прекращенія грабежей и надзора за барантачами, выставили, по настояніямъ нашихъ властей, свои пикеты по всей граничной линіи отъ Нарын-кола до верховьевъ Хоргоса *). Пикеты эти строго наблюдаютъ за паспортами проѣзжающихъ. Отношенія между нашими людьми и китайскими дружелюбны. Въ дни св. Пасхи пріѣзжалъ въ нашъ лагерь китайскій капитанъ, который посланъ былъ главными китайскими властями поздравить нашъ отрядъ съ праздникомъ. Съ прекращеніемъ баранты и водвореніемъ тишины на границѣ и въ илійскомъ краѣ, составъ конвоя при нашемъ кульджинскомъ консульствѣ будетъ уменьшенъ: одна сотня уведется въ наши предѣлы, а другая останется при консульствѣ.

Екатеринбургъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Прошли коронаціонные праздники, ознаменовавшіеся довольно шумнымъ весельемъ при прекрасной погодѣ и истинно праздничномъ расположеніи публики. Изъ торжествъ по этому поводу, имѣвшихъ общественное значеніе, выдавался балъ, устроенный въ новомъ зданіи женской гимназіи, для учащихъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, и завтракъ у городского головы Кривцова. Г. Кривцовъ пріурочилъ къ Коронаціи давно уже обѣщанный имъ подарокъ для священно-служителей соборной церкви, гдѣ онъ состоитъ церковнымъ старостой. Именно: онъ подарилъ священно-служителямъ одинъ изъ числящихся за нимъ въ Екатеринбургѣ домовъ. Первоначально, впрочемъ, онъ намѣревался сдѣлать подарокъ не изъ этого дома, а изъ другого, который онъ хотѣлъ успѣть къ Коронаціи зачислить за собой путемъ давности владѣнія, и который въ дѣйствительности составляетъ выморочное городское имѣніе. Затѣя не удалась: судъ въ домогательствѣ г. Кривцова отказалъ, мѣстная газетка изобличила неблаговидность аферы, дума назначила комиссію для разслѣдованія дѣла, и вотъ г. Кривцовъ, скрѣпя сердце, отъ нечего дѣлать, жертвуетъ другой домъ, который только-что собирался продавать фирмѣ Кропачевыхъ. Несмотря на такой характеръ пожертвованія, г. Кривцовъ рекламиро-

валъ о немъ въ телеграммѣ на имя губернатора, духовенство за завтракомъ говорило ему благодарственныя рѣчи, а секретарь думы читалъ цѣлую записку о заслугахъ виновника завтрака. Дѣло, вѣроятно, окончится полученіемъ г. Кривцовымъ новой медали.

Г. Журинъ съ приглашенными имъ на Алтай инженерами уже уѣхали. Пріѣхали же къ намъ вчера главный начальникъ работъ Екатеринбургско-Тюменской дороги, инженеръ П. Э. Гетте, и юрисконсультъ А. И. Трахтенбергъ. Квартіры пріѣзжихъ буквально осаждаются массами народа, ожидающаго мѣсть и занятій при управленіи новой дороги. Всѣ номера гостиницъ переполнены пріѣхавшими отовсюду прожекторами, желающими примазаться къ подрядамъ.

Горные чины ожидаютъ ревизіи г. Кулибина, который уже въ пути на Уралъ. Что-то дастъ эта ревизія? Сколько ихъ уже было, и все—слава Богу!

Енисейскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Въ 11¹/₄ часовъ ночи горожане были разбужены колокольнымъ звономъ во всѣхъ церквяхъ, оновѣстившемъ о совершеніи обряда коронаванія Государя Императора въ Москвѣ. Значитъ, черезъ 6 часовъ, не болѣе, отдаленная Сибирь знала объ этомъ и могла на другой же день праздновать этотъ давно ожидаемый день, который въ особенности дорогъ для нея, какъ для страны ссылки, для которой царскія милости, даруемыя въ этотъ день, несутъ прощеніе, забвеніе прошлаго и возвратъ къ новой жизни, быть можетъ, жизни среди родныхъ, на своей отчизнѣ. Несмотря на поздній часъ ночи, церкви быстро наполнились народомъ, вызвавъ общую радость. Поздній колокольный звонъ напоминалъ всѣмъ Пасху; раннимъ утромъ улицы украсились флагами въ такомъ количествѣ, какого здѣсь никогда не бывало; въ первый разъ здѣсь нѣкоторые дома были декорированы зеленью и цвѣтами. Праздничный и мѣрный звонъ во всѣхъ церквяхъ раннимъ утромъ гармонировалъ начавшемуся празднику. Въ 8 часовъ начался благовѣстъ къ поздней обѣднѣ въ соборномъ храмѣ, и церковь быстро наполнилась, преимущественно чернымъ народомъ, такъ что не вмѣщала всѣхъ молящихся. Богослуженіе началось прочтеніемъ телеграммы, полученной исправникомъ, о событіи дня и, затѣмъ, молебствіемъ о здравіи Государя и Государыни; одновременно съ этимъ были произведены пушечные выстрѣлы. Въ 12 часовъ литургія была окончена,—и весь народъ, и мѣстное войско хлынули на городскую площадь, противъ дома Енисейской городской думы, которая также быстро наполнилась представителями различныхъ слоевъ общества, различныхъ учреждений, явившихся большею частію не по приглашенію; вскорѣ всѣ мѣста были заняты, и голова открылъ торжественное засѣданіе городской думы, которая опредѣлила, въ ознаменованіе дня Священнаго Коронаванія Ихъ Величествъ, сложить съ бѣдныхъ жителей города 1,000 рублей по городскому оцѣночному сбору съ недвижимыхъ имуществъ, затѣмъ, въ теченіе трехъ дней украсить городъ флагами и зажечь иллюминацію, угостить воспитанниковъ „Александровскаго“ пріюта улучшеннымъ обѣдомъ и лакомствами, народъ и войско — закуской, чаркой вина и пивомъ *), а въ общественномъ собраніи устроить обѣдъ по особой подпискѣ. Городской голова Дементьевъ, въ честь событія, пожертвовалъ 1,000 рублей въ неприкосновенный капиталъ на образованіе „общества попеченія о начальномъ образованіи“, или же на открытіе элементарнаго женскаго училища, котораго давно желаютъ всѣ, что уже заявила сибирская печать. Подробное обсужденіе этого во-

*) Отъ Нарынкола до Сямбе, на 7-ми пикетахъ стоятъ улутскіе войсковые люди (калмыки); по линіи Кульджать-Хоргосъ, 4 поста заняты сибинцами, а пикеты на лѣвомъ берегу Хоргоса, противъ нашихъ постовъ близъ устья вдоль рѣки и у горъ, содержатся солдатами.

*) По частной же подпискѣ, такъ какъ городскіе доходы не дозволяютъ подобныхъ затратъ въ особенности въ виду тѣхъ расходовъ, которые мы обязаны давать на полицію.

проса предсѣдательствующій предложилъ въ слѣдующее засѣданіе думы; послѣ этого, съ новымъ предложеніемъ выступилъ бывший городской голова г. Фунтосовъ, который изъявилъ желаніе пожертвовать 1,500 рублей на образованіе продовольственнаго капитала, съ цѣлю регулированія цѣвъ на хлѣбъ во время неурожаевъ и вообще повышенія его стоимости. За всѣ эти щедрія пожертвованія, общество тутъ же отблагодарило жертвователей, и засѣданіе было закрыто, послѣ чего городской голова посѣтилъ завтракъ народа *), который, на привѣтствіе его, прокричалъ „ура“. Вслѣдъ за этимъ, члены управы, нѣкоторые гласные и другіе служащіе люди сдѣлали визитъ исправнику, откуда всѣ собрались у городского головы, гдѣ пили за здравіе Государя Императора и Императрицы, а затѣмъ, по енисейскому обычаю, искони введенному, посѣтили нѣкоторыхъ лицъ, пользующихся положеніемъ въ обществѣ, изъ которыхъ двое, И. П. Кытмановъ и А. К. Мотонинъ, съ своей стороны пожертвовали по 500 рублей на тотъ же продовольственный капиталъ, что составило 2,500 рублей. У перваго—гости встрѣтили всю учащуюся молодежь женской гимназіи, съ начальницей и учительницами, которыя привѣтствовали своего уважаемаго покровителя, члена попечительнаго совѣта, съ великимъ праздникомъ. Въ 2 часа, приглашенные по особымъ билетамъ отъ имени Енисейскаго городского общества стали съѣзжаться въ собраніе, гдѣ былъ накрытъ столъ на 90 кувертовъ. Во время обѣда играла музыка, открывшая его гимномъ „Боже Царя храни“, и пѣвчіе пѣли разныя свѣтскія и духовныя пѣсни. Обѣдъ былъ оживленный и роскошный. За здравіе Государя и Государыни прокричали нѣсколько разъ „ура“, а передъ этими тостами мѣстный благочинный сказалъ коротенькую рѣчь. Обѣдъ окончился въ 5 часовъ, вечеромъ же, въ 10-мъ часу, какъ только смерклося, зажглась иллюминація, почти небывалая въ Енисейскѣ по количеству транспарантовъ и освѣщенія. На другой день, учащаяся молодежь мужской прогимназіи была собрана, въ 11 часовъ дня, въ зданіе ея, гдѣ послѣ двухъ рѣчей, предметомъ коихъ было событіе праздника, дѣтямъ и учителямъ было предложено угощеніе. Вечеромъ того же дня данъ былъ танцевальный вечеръ въ собраніи. На третій день, учащейся молодежи и для народа былъ данъ бесплатный спектакль **), подписка на который состоялась на обѣдѣ въ первый день праздника. Въ теченіе всего этого времени, флаги развѣвались по городу, при колокольномъ звонѣ и вечеромъ освѣщенія улицъ, на которыхъ нѣкоторые домовладѣльцы угощали народъ виномъ ***). Во всѣ эти дни, всѣ нетерпѣливо ждали Высочайшаго Манифеста, такъ что здѣшнюю публичную бібліотеку Скорнякова, получающую телеграммы, осаждалъ всевозможнаго рода людъ въ теченіе не только дня, но и ночи. Ссылная Сибирь жила въ эти дни лихорадочною жизнью.

Устькаменогорскъ (корресп. „Вост. Обозр.“), 19-го мая. Пятнадцатаго мая въ нашъ городокъ прислана была отъ семипалатинскаго военнаго губернатора о коронаваніи Государя слѣдующая телеграмма: „Министръ внутреннихъ дѣлъ телеграфируетъ: Священное коронаваніе Ихъ Императорскихъ Величествъ совершилось сегодня въ часъ пополудни. Въ сей великій для Россіи день, сердца всѣхъ русскихъ подданныхъ да сольются воедино свои громкія молебны къ Господу о здравіи и благоденствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, и, при приглашеніи многолѣтія, салютомъ 101 выстрѣла ознаменуется повсемѣ-

стно народное торжество. Радостное это извѣстіе сообщить всѣмъ сословіямъ, вѣдомствамъ и народу.

Да здравствуетъ Александръ Третій, „ура“! (Проценко *).

По полученіи этой телеграммы устроенъ былъ на площади между крѣпостью и городомъ молебень и парадъ; въ парадѣ шли двѣ роты, мѣстная команда, взводъ горной баттарей и сотня казаковъ; салютъ произведенъ былъ изъ 2-хъ горныхъ орудій. Съ утра, нѣкоторые дома украсились флагами, а вечеромъ—вензелями и иллюминаціею. Въ тотъ же день, въ городскомъ общественномъ клубѣ данъ былъ балъ, а на другой день устроенъ за р. Иртышемъ, противъ Устькаменогорской горной пристани, праздникъ для киргизовъ. Увеселенія этого праздника заключались въ рукопашной борьбѣ киргизовъ-борцовъ, въ лазаньи на столбѣ, въ бѣганьи киргизятъ въ запуски и въ цѣвни киргизскихъ пѣсень подъ акомпаниментъ балалайки (домбра). Праздникъ закончился байгой и угощеніемъ. Мы слышали что на угощеніе какъ киргизовъ, такъ и собравшихся на праздникъ русскихъ, израсходовано до 600 р. Призами для борцовъ служили платки, байговые же призы состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей и халатовъ; первые два приза (золотой браслетъ и часы) взяли бѣгунцы саусоринской волости. Намъ только крайне поразило на этомъ праздникѣ то обстоятельство, что когда киргизомъ былъ снятъ со столба призъ, состоявшій изъ сукна на камзолъ, сукно это собравшейся киргизской публикой буквально все было разорвано въ клочки и гимнасту-джигиту досталось изъ него не больше четверти; таковъ, говорятъ, киргизскій обычай, что взявшій призъ пользуется изъ него самою ничтожною частью. Вообще слѣдуетъ сказать, что киргизскій праздникъ сошелъ очень весело, благодаря любезности уѣзднаго начальника г. Буторина и внимательности къ гостямъ распорядительницы угощеніями, г-жи Маевской. Праздникъ кромѣ того оживлялся музыкой, плясками и характерными казачьими пѣснями. Въ началѣ праздника вышла маленькая шероховатость: одинъ татаринъ сталъ отбирать у киргиза (борца) платокъ. Увидавъ это, помощникъ уѣзднаго начальника М—скій, оставшійся временно за мирового судью, подошелъ къ татарину, отбиравшему платокъ, и ударилъ его публично по большой щекѣ. Такое неприличіе, устроенное г. М—скимъ въ присутствіи людей, непривыкшихъ видѣть подобнаго рода сцены, произвело непріятное впечатлѣніе. Какъ же это самъ судья? Какъ же послѣ этого судить-то другихъ? А полиція совершенно равнодушно смотрѣла на такую возмутительную выходку, такъ какъ, по ея соображенію, безобразія непозволительно совершать публично только простому люду, а нѣкоторымъ все возможно. Финаломъ этого достопримѣчательнаго, дня послужило комическое происшествіе, которое могло, впрочемъ, кончиться трагически: во время переправы черезъ Иртышъ, съ парома упалъ въ воду офицеръ во всей формѣ, но благодаря случившимся тутъ полицейскимъ былъ вытащенъ изъ воды здоровъ и невредимъ, отдѣлавшись купаньемъ: не подлежащаго его вѣдѣнію сына Марса, Нептунъ Иртышскій отказался принять въ свои объятія!..

Киренскій округъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Въ нашемъ округѣ, состоящемъ изъ 6 волостей и 5 инородныхъ управъ, имѣется 8 приходскихъ училищъ: въ Макаровской, Орлинской, Нижнеилимской и Карапчанской—по одному, въ Петропавловской и Витимской—по два, а въ управахъ нѣтъ ни одного. Всѣ училища содержатся на счетъ крестьянскихъ обществъ: крестьяне Макаровской расходуютъ на свое Марковское училище 693 р. съ 12 т. душъ, Нижнеилимской по 560 р. съ 6 тысячъ душъ, Орлинской 530 р. съ 3 т. душъ, Карапчанской 350 р. съ 2,800 душъ, Петропавловской—на Преображен-

*) Завтракъ состоялъ изъ 5 пудовъ жаренаго мяса, хлѣба, 5 ведеръ вина и 40 ведеръ пива.

***) Играли актеры и любители «Парашу Сибирячку».

***) Торговля во всѣхъ лавкахъ, кромѣ кабаковъ, во всѣ эти дни было закрыта.

*) Подписался Семипалатинскій военный губернаторъ.

ское (по р. Тунгускѣ) 445 р. и петропавловское 635 р. съ 9 т. душъ, Витимской—на мухтуйское 700 р. и витимское 1,000 р. съ 3,800 душъ *). О числѣ учащихся, за неизмѣнѣмъ подъ руками данныхъ, сообщить не могу, но полагаю, что число ихъ очень ограничено. Что же касается учащихся, то это люди не особенно грамотные, нисколько не старающіеся о дѣлѣ, на которое они себя жосвятити. Для характеристики приведу слѣдующіе факты—приговоры обществъ, составленные въ минувшемъ году, вслѣдствіе требованія объ увеличеніи содержанія учителямъ, по крайней мѣрѣ до 360 р. Вотъ что писали въ Петропавловской волости: „мѣстное населеніе, видя пользу для себя, безъ сомнѣнія, приметъ мѣры, зависящія отъ него, къ болѣе выгодному обезпеченію учителей въ матеріальномъ отношеніи, конечно смотря по тому, насколько поднимется образованіе молодыхъ людей въ сравненіи съ настоящимъ ихъ образованіемъ и какъ отнесутся къ дѣлу сами преподаватели“. Карапчанскіе крестьяне писали слѣдующее: „несмотря на вашу бѣдность и безъ того уже стѣсненные разными расходами по малонаселенности нашей и др. причинамъ, мы вполне сознаемъ необходимость и пользу образованія дѣтей нашихъ и никогда не прочь платить на дѣло образованія такую сумму, которая вполне удовлетворяла бы нуждамъ и потребностямъ школы, но только въ такомъ случаѣ, если учитель вполне будетъ оправдывать свое назначеніе. Если на нынѣшнемъ сходѣ и убавлено жалованье учителю О., то собственно потому, что О. полуграмотный и совершенно неспособный на дѣло образованія юношества. Въ этомъ мы убѣдились изъ того, что мальчики 10—11 лѣтъ, въ теченіи 5-лѣтней службы О., не только не приучены хорошо писать, но и свободно читать“. О. былъ переведенъ въ Нижнеилимское училище, гдѣ и по сіе время обитаетъ; лучше ли сталъ онъ относиться къ дѣлу—не знаемъ, на запросъ же одного должностнаго лица, волостное правленіе отвѣчало, что не знаетъ „хорошъ-ли учитель О., но что родители отзываются о немъ, какъ о малоспособномъ“. Общество же крестьянъ этой волости въ приговорѣ своемъ писало еще до назначенія къ немъ О.: „Населеніе неохотно отдаетъ дѣтей своихъ въ училище, а болѣе стараются обучать при своихъ домахъ; что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ назадъ тому мы не видимъ отъ своихъ дѣтей подвиговъ грамотности обучающихся въ училищѣ, а обучающіеся при домахъ родителей болѣе оказываются грамотными; о причинахъ къ этому объяснить не можемъ“. Макаровскіе крестьяне жаловались тоже на учителя: „въ теченіи какихъ-нибудь 3—4 мѣсяцевъ частные преподаватели успѣвали дать обучающимся познаній столько, сколько въ приходскомъ училищѣ такіе же мальчики достигали не ранѣе года. Очевидно, это слѣдствіе выбора недостаточно подготовленныхъ учителей. Во всякомъ случаѣ крестьяне не согласятся увеличить жалованье, пока не убѣдятся въ достаточной грамотности ихъ дѣтей“.

Въ Витимѣ тоже общество недовольно; только благодаря женѣ учителя, ребятишки кое-какъ учатся. Кстати замѣчу, что приходскіе учителя въ округѣ назначались болѣею частью изъ питомцевъ здѣшняго уѣзднаго училища, несмотря на то, что населеніе платитъ въ Иркутскую учительскую семинарію ежегодно 300 р.

КОЛОНИИ, КАКЪ СТУПЕНЬ ВЪ РАЗВИТІИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

(Окончаніе).

Въ одной изъ статей нашихъ въ этой газетѣ мы говорили уже о Канадѣ; не будемъ также распространяться здѣсь и о великой республикѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, развитіе которой было еще задержано унаслѣдованнымъ ею отъ метрополи рабствомъ негровъ, а перейдемъ къ Аргентинской республикѣ и Уругваю (болѣе извѣстному подъ названіемъ Монте-Видео), занимающимъ бассейнъ рѣки, Ла-Платы въ Южной Америкѣ. Несмотря даже на продолжающееся все еще вліяніе слишкомъ трехсотлѣтняго дурного управленія Испаніи, несмотря на междоусобныя войны, въ теченіи послѣднихъ 70-лѣтъ волновавшія эти страны, мы видали и въ нихъ—благодаря устраненію многихъ препятствій, существующихъ въ старыхъ обществахъ, и благодаря новымъ условіямъ быта и труда, новымъ отношеніямъ между людьми и возможности безпрепятственнаго приложенія средствъ, доставляемыхъ наукою,—необычайное развитіе населенія, производительности и обогащенія. И тамъ, гдѣ бродили, какъ и въ Австраліи, малочисленныя племена дикихъ, и страна не имѣла ни посѣвныхъ растений, ни домашнихъ животныхъ—тамъ живетъ теперь также болѣе уже 3.000,000 жителей, владѣющихъ 14.000,000 рогатаго скота, 90.000,000 овецъ, 4.000,000 лошадей; туда, благодаря усовершенствованію мореплаванія, легко переселяются люди десятками уже тысячъ въ годъ.

Затѣмъ, и Канада строитъ между-океанскую желѣзную дорогу въ нѣсколько тысячъ миль, какъ выстроили уже такую Соединенные Штаты; въ Австраліи открыто уже для движенія 7,000 миль желѣзной дороги (въ томъ числѣ на долю одной Новой Зеландіи приходится 1,500 миль), и въ свою очередь и Аргентинская республика быстро стремится, въ соединеніи съ Чилийскою, устроить прямое сообщеніе желѣзною дорогою, между Атлантическимъ и Великимъ океаномъ, въ южной части Южной Америки, и въ то же время земля воздѣлывается усовершенствованными способами, увеличивается вездѣ разнообразіе культуры растений, города освѣщаются электрическимъ освѣщеніемъ, а телеграфъ и печать ставятъ эти страны, несмотря на разобщеніе океаномъ, въ ежечасныя сношенія съ отдаленнѣйшими отъ нихъ мѣстами свѣта.

И когда подумаешь, что та же наука, которая сдѣлала, при новыхъ условіяхъ быта въ этихъ колоніяхъ, возможными такіе результаты, продолжая развиваться и доставляя человѣку все болѣе и болѣе могущественныя силы и усовершенствованныя средства для подчиненія себѣ природы, начинаетъ, побѣждая казавшіяся до сихъ поръ неодолимыми препятствія, завоевывать мирнымъ образомъ и еще одну изъ самыхъ обширнѣйшихъ и самыхъ благословенныхъ странъ земнаго шара, бассейнъ рѣки Амазонской, подготавливая и его къ возможности въ немъ колонизации—страну, остававшуюся до сихъ поръ пустынною, но способною вмѣстить стомилліонное населеніе,—то можно понять, какое вліяніе всѣ эти колоніи будутъ имѣть на судьбы человѣчества, становящагося тамъ съ самаго начала въ болѣе благоприятныя условія, чѣмъ тѣ, въ какихъ находилось оно въ

*) Цифра населенія проставлена мною общая, вмѣстѣ съ поселенцами и др. разночинцами.

старыхъ странахъ и обществахъ. Изъ всего этого видно, что несмотря на увѣренія пессимистовъ, что все и вездѣ идетъ къ худшему, существуютъ уже однако и будутъ все болѣе и болѣе расширяться и такія мѣста, гдѣ человѣчеству гораздо лучше, чѣмъ было прежде, и что стремясь впередъ, а не обращаясь назадъ, люди будутъ приближаться къ идеалу благосостоянія не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ массъ на землѣ, и что болѣе всего этому, конечно, способствуютъ новообразующіяся колоніи, гдѣ люди сразу, съ самаго же начала, могутъ пользоваться указываемыми опытомъ и наукою средствами, для достиженія не только лучшаго обезпеченія вещественныхъ потребностей человѣка, но и лучшаго отношенія между людьми, посредствомъ лучшаго общественного устройства.

И Сибирь, какъ колонія, имѣла, повидимому, зачатки лучшихъ условій для развитія страны и для блага населенія. Уже одно то, что въ ней не существовало крѣпостного состоянія, доставляло ей, какъ казалось бы, важное преимущество. И въ ней, также какъ и въ другихъ колоніяхъ, происходило сліяніе людей не только изъ разныхъ мѣстностей Россіи, но даже разныхъ націй (ссылались военнопленные шведы и поляки) и разныхъ расъ; и въ ней предразсудки, предубѣжденія ослаблялись. Сибирякъ не называлъ картофель чортовымъ яблокомъ, табакъ—дьявольскимъ зельемъ, не вѣрилъ въ лѣшихъ, домовыхъ, какъ не враждовалъ и противъ чуждыхъ національностей и религій. При отсутствіи наследственнаго привилегированнаго сословія и личнаго землевладѣнія, при выходѣ чиновниковъ изъ мѣстныхъ жителей и даже болѣею частію изъ простаго званія, и гдѣ, съ другой стороны, при просторѣ земли, простые крестьяне устраивались и жили какъ помѣщики, это новое положеніе, эти новыя условія, если не по писанному закону, то фактически уравнивали всѣ сословія, что и выразилось въ особенности брачными союзами между ними. Чиновники, духовенство, купечество, крестьянство, казачество, даже инородцы, роднились между собою,—мы знали напр. сестру главнаго горнаго начальника, дочь стариннаго рода князя, въ замужествѣ за купцомъ, едва вышедшимъ въ купеческое сословіе изъ крестьянъ; съ другой стороны, и чиновники, и духовные, женились на крестьянкахъ, даже на карымкахъ, родившихся отъ русскихъ и бурятокъ, или тунгузокъ. Вѣротерпимость была полная; мы знали старовѣра-малороссіянина, который торговалъ вмѣстѣ съ евреемъ и жилъ съ нимъ въ одной избѣ,—и каждый уступалъ и очищалъ домъ товарищу, когда случались большіе праздники у того или другаго; а когда старовѣръ отлучался изъ дому по общимъ торговымъ дѣламъ надолго, то дочь еврея наблюдала за неугасимою лампадкою предъ иконами старовѣра. Трудъ имѣлъ болѣе простора и былъ болѣе свободенъ, какъ въ пользованіи даровыми произведеніями природы, такъ и въ промыслахъ; все, что производили земля, воды и лѣса,—пушной звѣрь, птицы, дичь, рыба, орѣхи, грибы, ягоды и пр.,—все было свободно предоставлено въ распоряженіе всякаго трудящагося, и выразилось это во многихъ мѣстахъ неслыханнымъ благосостояніемъ, даже среди крестьянъ, какъ напр. почти поголовно у семейскихъ раскольниковъ и у добровольно переселившихся въ Забайкалье малороссіянъ, а отчасти и у нѣкоторыхъ погра-

ничныхъ казаковъ и даже карымовъ. При болѣе свободѣ передвиженія, при необъятности пространства, открытаго для дѣятельности человѣка, доходившей можно сказать до подвиговъ, развился необычайный духъ предприимчивости и отваги. Простые промышленники, крестьяне и мѣщане, развили мореплаваніе въ самыхъ опасныхъ моряхъ земного шара, и перешагнувъ за океанъ, основали русскія владѣнія въ Америкѣ; нельзя при этомъ не замѣтить, что, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало обращали вниманія на эту предприимчивость, на это живое дѣло, какъ результатъ свободной дѣятельности людей, въ противоположность теоретически измышленному устройству оной, и, не оцѣнивъ эти подвиги, упрекали еще русскихъ въ косности и въ недостаткѣ предприимчивости, лежащихъ въ обстоятельствахъ, а не въ натурѣ русскаго человѣка. Вотъ почему, несмотря даже на многія злоупотребленія насылаемыхъ изъ Россіи начальниковъ, благодаря простору для дѣятельности, новымъ условіямъ жизни и развившимся въ нихъ свойствамъ человѣка, общій ходъ развитія шелъ все-таки въ Сибири правильно, въ естественной послѣдовательности. За періодомъ звѣроловства стало развиваться земледѣліе, затѣмъ начали возникать сначала кустарные промыслы, а за ними являться фабрики и заводы. Торговля питалась преимущественно мѣстными произведеніями; пушной товаръ, мѣха, мерлушка, составляли главныя средства расплаты въ Кяхтѣ и на русскихъ ярмаркахъ; стали зарождаться новыя понятія въ умахъ, приниматься новыя формы общежитія, стала сознаваться потребность образованія. Но усиленіе штрафной ссылки (ссылаемые раскольники и военно-пленные не были вредными для Сибири людьми), совпавшее, къ несчастію, съ появленіемъ золотопромышленности (для которой выгодно удерживать и даже усиливать ссылку, и съ которой неразрывно связаны—у однихъ обогащеніе не отъ правильного труда, а отъ случайности и темныхъ дѣлъ, порождающее вслѣдствіе сего безумную роскошь и выселеніе разбогатѣвшихъ, чтобъ тратить въ иныхъ странахъ добытое въ Сибири богатство, а—у другихъ—неразлучны съ золотопромышленностію пьянство, развратъ и преступленія), остановило правильное развитіе Сибири. Къ этому присоединился наплывъ „навозныхъ“, по иркутскому выраженію, чиновниковъ, устремившихся сюда для легкой и скорой наживы,—людей совершенно чуждыхъ интересамъ страны; все это парализировало и исказило естественный ходъ ея развитія. Смыслный, который прежде по неволѣ занимался правильнымъ и постояннымъ трудомъ, хлѣбопашествомъ у домовитаго крестьянина или купца и ремесломъ, дававшимъ ему обезпеченіе на цѣлый годъ, обратился въ бездомнаго скитальца и, послѣ короткой работы на прискахъ, легъ на остальное время тяжкимъ бременемъ на свои общества, въ то время, какъ у земледѣльца, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, гниетъ на поляхъ столько необработаннаго хлѣба, что имъ можно было бы прокормить не одну тысячу голодающихъ; мѣстныя произведенія, за неимѣніемъ ремесленниковъ, замѣнились привозными; природный сибирякъ оттертъ былъ въ мелкія должности, а лучшія мѣста заняли пріѣзжіе крупныя хищники, дѣйствующие за-одно съ эксплуататорами народа; ремесла и заводы, за исключеніемъ винокуренныхъ, дали; торговля процвѣтаетъ только виномъ. И вотъ Сибирь, какъ колонія, не только не опередила въ развитіи свою метрополию, какъ это произошло въ европей-

ских колоніяхъ относительно странъ ихъ основавшихъ, но далеко еще отстала и отъ Россіи въ условіяхъ правльнаго и желаннаго для человѣчества существованія.

Д. Завалишинъ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ЗА УРАЛОМЪ.

(Письмо изъ Сибири).

Мы уже имѣли случай сообщить читателямъ вашей газеты о слухахъ, какіе носятъ въ средѣ крестьянъ Тобольской губ. по вопросу о предстоящихъ будто-бы реформахъ въ крестьянскомъ землевладѣніи; слухи эти здѣсь довольно распространены и даже отличаются нѣкоторымъ разнообразіемъ, но всѣ они сходятся въ томъ, что „земля отойдетъ въ казну и будетъ платиться не съ души, а съ земли“. Недавно я имѣлъ возможность убѣдиться, что эти слухи ходятъ не въ одной только Тобольской губ., но имѣютъ болѣе широкое распространеніе. Въ городѣ Ишимѣ ежегодно бывають три ярмарки: Никольская зимняя, на которую съѣзжается народъ не только изъ ближнихъ мѣстъ, но даже изъ Москвы, Петербурга и Риги, и затѣмъ двѣ чисто-мѣстныя—Сборная, на первой недѣлѣ великаго поста, и лѣтняя Никольская. Такимъ образомъ, здѣсь существуетъ довольно частое общеніе съ сосѣдними уѣздами и губерніями. И вотъ, въ одинъ такой съѣздъ, когда здѣсь было много наѣзжаго народа, я разговорился со своимъ сосѣдомъ, пріѣзжимъ торговцемъ изъ Челябинскаго уѣзда. Это бывшій крѣпостной крестьянинъ Владимірской губ., старикъ лѣтъ 70. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, еще крѣпостнымъ, онъ разъѣзжалъ съ товаромъ по Тобольской и Оренбургской губ. Недавно онъ окончательно порвалъ существовавшую еще номинальную связь свою съ родной деревней и приписался въ курганскіе мѣщане, но постоянную осѣдлость имѣеть въ с. Куртамышѣ, Челябинскаго уѣзда. Это человѣкъ, повидимому, не безъ средствъ, на здѣшней ярмаркѣ закупилъ товару тысячи на двѣ. Я привелъ эту краткую біографію своего собесѣдника, чтобы читателю сразу стало ясно, къ какому типу онъ принадлежитъ.— „Совсѣмъ плохо нынче стало жить“, началъ онъ, недовольный, какъ всѣ старики, „новыми порядками“:— „надо правду говорить, гдѣ господа хорошіе были, тамъ куда лучше было крестьянину противъ нынѣшняго! У насъ господа добрые были, не стѣсняли насъ; ты ему оброкъ заплатилъ, никто съ тебя не взыщетъ. А теперь народъ совсѣмъ испортился. Прежде, лѣтъ 40 тому назадъ, въ Куртамышѣ всѣ жили богато, замковъ не было, ворота одними деревянными засовами запирались, у всякаго хозяина было по табуу лошадей, и никогда не слышно было, чтобъ лошадь въ степи затерялась. А теперь воровство пошло; въ дорогу ѣдешь—ливольвертъ при себѣ держишь и то боишься, какъ бы не ограбили“. Эти рѣчи мнѣ уже были знакомы ранѣе, такъ какъ я слышалъ буквально то же самое отъ ишимскихъ крестьянъ.— Отчего же это такъ стало нынче? полюбопытствовалъ я.— „Пьянство, строгости теперь нѣту! Прежде бывало выпьетъ, выдерутъ его, онъ опять исправный хозяинъ, а теперь мужики пьянствуютъ, землю пропиваютъ и продаютъ“ (т.-е. сдаютъ въ арендное пользованіе). Я выразилъ сомнѣніе, чтобы землю продавали только пьяницы, но судя по его словамъ, и бѣдность не должна бы подавлять крестьянина при 15-десятинномъ надѣлѣ; старикъ же положительно стоялъ на своемъ, что не отъ бѣдности „воровство пошло“, а потому, что „строгости нѣту“.— „А не слышно ли чего въ газетахъ насчетъ того, что подушной, говорятъ, не будетъ?“ спросилъ онъ. Любопытно было видѣть, какъ всякіе газет-

ные толки и проекты разныхъ комиссій проникли въ деревню и преобразились въ ней подъ вліяніемъ деревенскаго міросозерцанія. Толки о подушной подати были поняты такъ, что будутъ сняты всѣ подати съ лица и переложены на землю: „подушныхъ, говорятъ, совсѣмъ не будетъ, а будетъ платежъ съ земли“. Далѣе, размѣръ земли, объяснялъ старикъ, будетъ ограниченъ рабочими силами семьи, излишекъ донускаться не будетъ: „чтобы, значить, торговать землей нельзя было, а то у иного теперь 100—200 десятинъ, онъ ихъ всѣ и продаетъ“. Точно также и казенныя оброчныя статьи больше не будутъ сдаваться купцамъ, а лишь крестьянамъ, и то лишь такимъ, которые сами будутъ обрабатывать снимаемую землю. Любопытно всего было въ устахъ торговца-кулака разсужденіе о томъ, что земля не должна быть предметомъ торговли, а должна находиться въ распоряженіи непосредственно обрабатывающаго ее производителя: „теперь, продолжалъ онъ, мужикъ землю свою пропьетъ, другому продаетъ, а самъ живетъ въ работникахъ,—какой же этъ порядокъ?“ Этотъ-то непорядокъ, по его мнѣнію, и предполагается устранить.

Я уже сказалъ, что слухи эти упорно держатся и въ нашемъ округѣ. О довѣрїи, какимъ пользуются эти слухи, свидѣтельствуетъ такой примѣръ: одна деревня нашего округа вырубала до одного бревна принадлежавшую ей рощу, изъ опасенія, что земля отберется въ казну и лѣсъ, все равно, для деревни пропадетъ. Объ аналогичномъ случаѣ въ Шадринскомъ уѣздѣ сообщаетъ пермскій земскій статистикъ: „въ началѣ прошлаго 1874 года (пишетъ священникъ Пономаревъ) какимъ-то злымъ человѣкомъ (sic!) пущена была въ мѣстномъ населеніи молва, что весь лѣсъ отберется отъ крестьянъ и поступитъ въ казну, вслѣдствіе чего почти все населеніе стало безъ нужды рубать въ своихъ участкахъ лѣсъ, годный на постройки, и продавать. Отъ этой пагубной порубки осталось теперь лѣса въ здѣшней мѣстности вдвое меньше противъ прежняго“ („Сборникъ Перм. Земства“, 1880 г.). Такимъ образомъ, уже нѣсколько лѣтъ слухи эти съ опасеніемъ за свое будущее повторяются крестьянами всего зауральскаго края. Что дало поводъ къ ихъ распространенію, что ихъ поддерживаетъ, какими условіями мѣстной народной жизни можно объяснить довѣрїе къ нимъ со стороны крестьянъ, почему, наконецъ, послѣдніе за Ураломъ боятся того, на что надѣется крестьянство Европейской Россіи,—вотъ вопросы, которые невольно возбуждаютъ вниманіе не-деревенскаго жителя. Нынѣшняя деревенская „интеллигенція“ отвѣта на эти вопросы дать не умѣетъ и сваливаетъ всю вину на „какихъ-то злыхъ людей“, какъ будто этимъ разрѣшается вопросъ, почему этимъ „злымъ людямъ“ вѣрять, а о „добрыхъ“ разсказываютъ всякіе анекдоты (порой, впрочемъ, и не одни анекдоты). Отвѣтъ на поставленные здѣсь вопросы можетъ дать только болѣе близкое изученіе зауральскаго края.

Н.

ИЗЪ СТРАНЫ ЧУДЕСЪ И КУРЬЕЗОВЪ.

(Ф Е Л Ь Е Т О Н Ъ).

Объ упраздненіи мѣстной печати.—Кому мы нужны.—Первое сословіе въ Сибири.—Напраслины, взводимыя на кулаковъ.—Возстановленіе чести путемъ собственныхъ опроверженій.—Мода на нихъ.—Судьба драматическаго искусства.—Почему Сибирь не даетъ ни Купера, ни Шекспира.—Новое направленіе въ области искусства.—Музыка, приуроченная къ коммерціи.—Привѣтственные адреса и гимны.—Пѣсня о клякахъ.—Наступившее благоденствіе.

Нѣкоторыя явленія мѣстной жизни все болѣе и болѣе убѣждаютъ, что сибирское общество могло-бы легко обойтись безъ насъ, т.-е. безъ писателей, и если мы еще „не упразднились“, то должны скоро упраздниться. Въ самомъ дѣлѣ, кому мы нужны?—это первое, а во-вторыхъ, развѣ не найдется кому насъ замѣнить? Въ этомъ убѣждаютъ насъ многіе факты сибирской жизни. Мы не можемъ пользоваться прежде всего расположеніемъ нашего перваго сословія, нашего tiers-état, олицетворяющаго это сословіе въ лицѣ Кондрата. Онъ никогда не понималъ надобности въ литературѣ.—Нужна ли тебѣ литература, Кондратъ? спрашивалъ иногда я.—„У насъ, братецъ, покупатель этого „товару“ не спрашиваетъ“, отвѣчалъ онъ. Польза мѣстной печати у насъ далеко не признана и „первое сословіе“ легко можетъ обойтись безъ нея. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ пріиски меньше будутъ приносить золота безъ нея, развѣ торговля съ инородцами пойдетъ хуже, развѣ рыба будетъ менѣе ловиться въ Туруханскѣ и Обдорскѣ, и развѣ она будетъ менѣе тухлою? Ничего этого не произойдетъ, а рыба, съ упраздненіемъ литературы, даже дастъ большій запахъ. Первое сословіе настолько умно у насъ и самостоятельно, что сдумаетъ своимъ умомъ замѣнить всякую литературу. А между тѣмъ, цѣлая большущая страна, цѣлое человѣческое общество безъ литературы — какое невиданное зрѣлище! Я полагаю даже, что другіе только ахнуть отъ этого.

Мое сибирское сердце загорается при этомъ честолюбивой мечтой. Правда, Сибирь—страна молодая, у нея нѣтъ своей родовой аристократіи; но что-жъ такое? За то у нея есть золотопромышленные и коммерческіе самородки, цивилизаторы инородцевъ, богатый выборъ „мастеровъ своего дѣла“ съ дипломами, выданными всѣми окружными судами Россійской имперіи, на житье и поселеніе съ „лишеніемъ“ и безъ „лишенія“, а потому въ созиданіи нашихъ историческихъ судебъ съ тѣмъ б у в е т о мъ, какой по нынѣшнему времени „требуется“, повѣрьте, недостатка не будетъ. Что-же до мѣстныхъ Фамусовыхъ, Молчалиныхъ и Скалозубовъ, то ихъ у насъ непочатый уголь. Такимъ образомъ, всѣ элементы „оздоровленія“ на лицо.

Что касается кулаковъ, монополистовъ, то ихъ изобрѣла положительно печать. Все это почтенные и добродѣтельные люди и „столпы общества“. Это мы можемъ доказать. Мѣстная печать именно и потерпѣла неудачу въ нашемъ обществѣ по этому случаю. Едва начали издаваться газеты и заноситься разные факты, какъ „первое сословіе“ явно озлобилось, и со стороны его послѣдовали даже угрозы. Мы занесемъ нѣсколько фактовъ, присланныхъ намъ, для исторіи печати. Живетъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ благодѣтель инородцевъ, который, ведя торговлю, нажилъ массу табуновъ; говорятъ, что все это онъ приумножилъ обманомъ и грабежомъ, но это выраженія невѣрныя: все благопріобрѣтено добро-

вольной уступкою. Во время одной изъ такихъ мирныхъ экскурсій, какая-то инородка, отстаивая свою собственность, схватила коня этого торговца за узду и повисла на ней; тогда этотъ сибирскій пріобрѣтатель и коммерсантъ ударилъ инородку въ грудь каблукомъ и убилъ на повалъ. Про этого человѣка говорятъ старожилы, что когда ему было 23 года, о немъ въ производствѣ насчитывалось до 26 уголовныхъ дѣлъ. Изъ нихъ одна половина принадлежитъ къ грабежамъ, а другая—къ насилію и лишенію невинности. Сей коммерсантъ до старости остался любителемъ амурныхъ дѣлъ. Въ концѣ, однако, мѣстное начальство, въ виду жалобъ, запретило этому лицу даже вѣзжать въ инородческой районъ. Въ моментъ, когда начали издаваться газеты, у него произошелъ небольшой казусъ. Онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ увезъ безъ спросу, выражаясь деликатно, 400 пудовъ известки у крестьянина и продалъ ихъ тайкомъ отъ хозяина. Фактъ этотъ появился въ газетахъ, когда истецъ уже подалъ жалобу. Дѣло однако кончилось по сибирски: крестьянинъ, за удержанную у него известку, сорвалъ съ похитителя 400 руб., т.-е. по 1 руб. за пудъ вмѣсто 14 коп. и дѣло кончилось мировой. Понятно послѣ этого, что коммерсантъ имѣлъ полное право прислать въ газету слѣдующее опроверженіе и доказательство невинности: „Такъ какъ кто-то меня назвалъ воромъ известки, то я желаю знать, кто таковъ этотъ сочинитель, для того, чтобы призвать его къ суду. Отпечатавъ мое письмо (явная склонность къ литературѣ!) я прошу напечатать и имя составителя статьи. Если же въ недѣльный срокъ все это не будетъ напечатано, то я постараюсь предать отвѣтственности виновныхъ на основ. 1039 ст. улож. о наказ. уголов. и исправ. „(ясно, что послѣ практики 26 уголовныхъ дѣлъ, даже извѣстное знаніе статей усвоено). Затѣмъ прописаны и заслуги. „Смѣю увѣрить васъ, что дѣла за мною о табунахъ никогда не было (только цѣлый округъ подъ присягой показываетъ), напротивъ, я былъ истиннымъ благодѣтелемъ инородцевъ (доказательствомъ служить то, что передъ каждой выдачей ссуды за приличные проценты—даю торбака и получаю быка—и всегда, молъ, обязываю называть себя „благодѣтелемъ“). „Далѣе, состоя въ гильдейскомъ званіи 30 лѣтъ и ведя торговлю (и многихъ обчитавъ) на Ирбитской ярмаркѣ, и ни отъ кого упрека не заслужилъ (всѣ махнули рукой); по части благотворенія извѣстенъ“ (что могутъ засвидѣтельствовать дѣвицы нашего города, которыхъ, молъ, я собираю на вечерки). Изъ этого видна полная добродѣтель потерпѣшаго, неблаговидный поступокъ печати и несомнѣнный литературный талантъ писавшаго опроверженіе.

А вогъ еще образецъ опроверженія, присланнаго также въ одну сибирскую газету:

Корреспонденцію въ № такомъ-то нанесено чести моей явное оскорбленіе, а торговымъ моимъ оборотамъ непредвидѣнный ущербъ. Я уже подалъ по сему предмету прошеніе; вамъ же, г. редакторъ,

заявляю: будьте столь добры, сообщите имя, отчество, фамилію, званіе и мѣстожителство корреспондента, дабы его преслѣдовать по законамъ, или какъ придется. Потому какъ я названъ «генераломъ отъ кабаковъ», а я терпѣть этого не намѣренъ: не въ однихъ кабакахъ довольный капиталъ имѣемъ! Второе, что понимаетъ онъ о винахъ и прочемъ для дамы, ѣхавшей въ сопровожденіи Елизаветы Ивановны и то съ явно-злымъ намѣреніемъ, набросить подозрѣніе, будто-бы я по моимъ виннымъ операціямъ пользуюсь благоволеніемъ за радушный пріемъ. Но я подражать всякому не желаю; и безъ того говорю иду, будто-бы я съ новаго года за 6,000 р. покрылъ своимъ имениемъ содержателя складовъ и 14 кабаковъ въ Кабанскомъ и Кударѣ еврея Арона Хаймовича, а равно и другимъ евреямъ позволялъ за плату на мое имя открывать виноторговлю и быть сидѣльцами, для обхожденія закона. Оный же корреспондентъ еще болѣе смущаетъ народъ, поселяя шатаніе мыслей; и онъ за то отвѣтитъ: потому, неужели-же мнѣ не угостить такую особу, ежели есть случай? Если-же, г. редакторъ, откажете въ моемъ требованіи выдать корреспондента, то не надѣйтесь: я это такъ не оставлю.

Первой гильдіи купецъ И. ф. Голдо-Долбилинъ.

А вотъ и еще самозащита одного куроцапа:

Въ № такомъ-то уважаемой газеты помѣщена статья, извѣщающая о нѣкомъ куроцапѣ, набравшемся удвоенной наглости и стрѣлявшемъ по купцу. Куроцапъ этотъ—я. Дѣйствительно, я встрѣтился у отца Кос—на съ купцомъ Ш. (но не Б!..—которое есть его уличное прозвище) и послѣдній позволилъ себѣ дерзкія относительно меня слова, за что я ударилъ его по лицу. Онъ же, совершенно забывъ, кто онъ и кто я, осмѣлился отвѣтить мнѣ тѣмъ-же; тогда, оскорбленный въ моемъ благородномъ званіи, я выхватилъ револьверъ (но есть ли это «покушеніе», господинъ корреспондентъ? то-то вотъ и есть: берегитесь корреспондировать). Шип—въ, не допуская меня до покушенія, отнял оружіе, выскочилъ на крыльцо, выпустилъ все заряды и отдалъ мнѣ револьверъ (не послѣ этого-ли, господинъ корреспондентъ, совершилъ я мое «покушеніе?»)—Что касается моей служебной дѣятельности, то я всегда руководился въ ней не мздоимствомъ, которое строго воспрещено закономъ и не наглостью.

Настоящее мое опроверженіе прошу васъ, г. редакторъ, напечатать въ ближайшемъ №; что касается купца Шип—ва и крестьянина Кар—ва, нанесшихъ мнѣ, по возвращеніи револьвера, множество подзатыльниковъ дѣйствіемъ, такъ что я долженъ былъ просить пардону, то ихъ, какъ и корреспондента, буду преслѣдовать судомъ по всей строгости законовъ.

Забайкальскій такого-то участка Верхнеудинскаго округа земскій засѣдатель Ниткинъ.

Все это несомнѣнно свидѣтельствуеетъ о заблужденіяхъ печати, какъ и недавно присланная въ редакцію угроза отъ одного штабъ-лекаря, надъ которымъ учреждено было слѣдствіе, а подчиненными сдѣлано заявленіе о какомъ-то тухломъ мясѣ. Мы могли бы перечислить массу случаевъ, какъ печать была неправа относительно, напримѣръ, засѣдателя Лушниковъ (смѣненнаго), исправника Ковалевскаго, горнаго лѣсничаго Аносова и т. д., наконецъ одного минусинскаго благотворителя, обличеннаго у насъ и приславшаго прекрасное литературное письмо, не будучи грамотнымъ. Въ этомъ мы убѣдились на-дняхъ: одинъ изъ его бывшихъ служащихъ прислалъ намъ нынѣ его аттестатъ, гдѣ рассказалъ случай, какъ сей благодѣтель уплатилъ ему за 8 мѣсяцевъ службы всего 3 рубля.

Существующей литературѣ, такимъ образомъ, не везетъ; она постоянно про штрафовывается. Но первое сословіе, неблаговоля газетамъ, не желаетъ также и другихъ литературныхъ произведеній, даже драматическаго характера. Шекспиру поэтому никогда не народиться въ Сибири. Доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующій случай: въ 1879 г. актеръ Кышамовъ-Яковлевъ въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ написалъ драму изъ мѣстной жизни, подъ заглавіемъ „Плетью

обуха не перешибешь“. Петербургской цензурой она была одобрена и разрѣшена къ представленію. Были напечатаны уже афиши о томъ, что дается эта драма, но, по просьбѣ одного торговца „полиція ее запретила“, экземпляры рукописей стали по городу отбираться, а авторъ бѣжалъ оттуда безъ оглядки. Какой-то наемщикъ настроилъ отъ купца даже какую-то жалобу, и драма была запрещена совсѣмъ къ постановкѣ ея въ городѣ. Содержаніе ея было самое невинное. Нѣкто П. В. былъ довѣреннымъ у другаго капиталиста и наживался сколько душѣ угодно; нажившись, онъ открылъ свою торговлю. За его спиной стоялъ подручный, его братъ, В. В., и также тянулъ что можно было—обыкновенная исторія всѣхъ купцовъ. У купца есть дочь, за нее сватается другой довѣренный; молодые люди полюбили другъ друга и просили согласія на бракъ у отца, но тотъ, какъ Тить Титычъ, не пожелалъ счастья дочери. Онъ оскорбилъ просившаго руки, обругалъ его мразью и отказалъ. Влюбленный показываетъ пучокъ документовъ, уличающихъ купца въ мошенничествѣ, чтобъ сбить съ него спѣсь, затѣмъ тутъ же уничтожаетъ эти документы, отказываясь быть его обличителемъ и снова просить руки дочери. Послѣдовалъ отказъ, послѣ котораго несчастный застрѣлился.

Вотъ и весь сюжетъ драмы; эта-то исторія была найдена безнравственной, но не потому, что поступокъ былъ жестокосердъ и кончился катастрофой, а потому, что поступокъ отца былъ выставленъ въ драмѣ предосудительнымъ, тогда какъ онъ, по мѣстной морали, благоразуменъ и благороденъ. Какъ воздвигается гоненіе противъ драматическихъ произведеній, такъ недолюбливаютъ у насъ и романы. Поэтому, Сибири также не дождаться своего Купера. Это можно судить изъ того, что лѣтъ 25 или 30 назадъ, напечатанный романъ о наживѣ одного золотопромышленника былъ скупленъ имъ весь изъ книжныхъ магазиновъ и уничтоженъ.

Театръ, какъ и искусство въ Сибири, можетъ получить особое направленіе и ужъ получаетъ. Благотворительные спектакли и концерты имѣютъ результатомъ всегда потребленіе всего сбора на ужинъ. Отчеты весьма рѣдко отдаются. Мы сообщили о драматическомъ искусствѣ на этихъ основаніяхъ въ Новомъ Маргеланѣ. Теперь мы имѣемъ свѣдѣнія, что какіе-то Павлодарскіе благотворители-артисты съ литературно-музыкальныхъ вечеровъ имѣли настолько дохода, что два благотворителя завели лично для себя по шубѣ, а третій могъ пріобрѣсти на тотъ же общественный счетъ ботинки для жены. Такое направленіе искусства вполне благонамѣренно. Несомнѣнно, что подобное же оригинальное направленіе пріобрѣтетъ въ Сибири и музыка. По крайней мѣрѣ, Нерчинское музыкальное общество весьма содѣйствовало нѣкоторымъ коммерческимъ оборотамъ. Обороты, сдѣлки—все сводилось подъ музыку. Пьесы носили названіе: кадрили-кредитъ, вальсъ-балансъ, грось-фатеръ съ процентами à la Хаминъ 25% на 100, полька-банкротство и безконечная мазурка-конкурсъ съ фигурами.

Но обратимся опять къ литературѣ. Если у насъ нѣтъ почвы для литературы существующей, то можетъ несомнѣнно произрасти другая, литература—„хвалебная“, „торжествующая“ и „умиленная“. Взамѣнъ нынѣшнихъ рассказовъ и сценъ явятся назидательные.

Сибирь можетъ представить въ этомъ случаѣ образцы классическихъ произведеній. Куроцапъ, Лушниковъ, Енисей-

скій Б—ревичъ и, въ заключеніе маіоръ Портянкинъ напишутъ о своихъ заслугахъ передъ отечествомъ. Сибирской коммерціи дѣятели и мѣнялы Хапуновъ, Сазановъ, монополисты винокуры, какъ Д., золотопромышленникъ Сашка К—кель и многіе кулаки напишутъ о своихъ подвигахъ по части коммерціи и представятъ цѣлый счетъ благотвореніямъ, рядомъ съ темными расходами, какіе записывалъ Щедринскій мѣняло.

Здѣсь могутъ процвѣсть также благодарственные адреса и стихи. Что эти адреса и теперь сочиняются, это видно изъ знаменитаго енисейскаго адреса одному уѣзжавшему педагогу и другому дѣятелю по почтовымъ станціямъ, отданному подъ судъ въ Восточной Сибири. По случаю полученной имъ награды, подчиненные писали:

Ваше Высокородіе
Премногоуважаемый
Мартирій Валентиновичъ!

Узнавъ о полученіи вами награды, мы съ чувствомъ преданности нашей къ вамъ любви, спѣшимъ принести сіе наше искреннее и сердечное поздравленіе;—съ пожеланіемъ въ будущемъ дальнѣйшаго успѣха.

Преданные Вамъ...

Слѣдовало 13 подписей. Это „съ чувствомъ преданности любви спѣшимъ“ очень хорошо! А вотъ и стихотворное произведеніе написанное тому же лицу.

ПРИВѢТСТВІЕ

Въ день тезоименитства Мартирія Валентиновича подчиненными.

25 октября 1881 года.

Чистымъ сердцемъ и устами
Чувства мы хотимъ излить,
Но не знаемъ, что предъ вами
Здѣсь мы можемъ говорить.
Съ вашимъ ангеломъ поздравить,
Благъ небесныхъ пожелать
И мольбы свои направить,
Чтобъ Всевышнему воздать.
Пусть усѣются цвѣтами
Ваша жизнь и долгій путь,
Пусть заблещутъ орденами
Ваша шея, ваша грудь.
Пусть торжественный и свѣтлый
Этотъ день прольетъ намъ свѣтъ.
Пусть начальникъ нашъ привѣтный
Будетъ здоровъ на много лѣтъ!
Не отринь-же, нашъ начальникъ,
Наши мысли и слова!
Не отринь! добра наставникъ,
Правды, милости глава.

Стихи эти нисколько, какъ можно видѣть, неуступающіе многимъ стихотвореніямъ любаго швейцара, излиты,—какъ вы думаете?—за что? За то, что по заявленію помощника этого дѣятеля въ № 49 „Сибирской Газеты“, рукъ его не миновали ни содержаніе особымъ хозяйственнымъ способомъ станцій, ни другіе доходы. Сюда же можетъ быть отнесено и внушеніе одного сибирскаго попечителя, произнесенное надняхъ представителямъ одного города.

Разъ, извѣстный благодѣтель
Рѣчь такую вель къ намъ строго:
«Я за городъ вашъ радѣтель
И на васъ надѣюсь много.

«Грابتе золото горстями,
Прогорайте, наживайтесь,
Хоть ходите вверхъ ногами,
Только чуръ—не ослушайтесь!

«Кто же вздумаетъ упрямо
Мнѣ въ дѣлахъ сопротивляться,—
Къ островамъ Моржовымъ прямо
Можетъ смѣло отправляться,

«Гдѣ живутъ клыковъ добычей,
Гдѣ при сумеркахъ полярныхъ
Бить тюленей есть обычай
И моржей неблагодарныхъ.

«Тамъ, при сѣверномъ сіяньи,
Не давая вамъ потачки,
Изоцрять васъ въ послушаньи
Эти дѣти мирной спячки.

А чтобъ не былъ я въ изъянѣ
При такой моей заботѣ,—
Я надѣюсь, вы, граждане,
Кое-что мнѣ поднесете!»

Ахъ, читатель, если бы да всѣ писатели, по этому совѣту, удалились на Моржовы острова!

Мы увѣрены, что когда мѣстная литература исчезнетъ, то возникнетъ настоящее спокойствіе и миръ въ Сибири для разныхъ коммерсантовъ. Иностранческіе районы процвѣтутъ, хотя послѣдній инородецъ исчезнетъ въ нихъ, подобно тасманцу. Герой калмычки получитъ въ наслѣдство всѣ стада скота, Д. начнетъ курить безъ акциза и уничтожитъ всѣ дѣла въ земскихъ судахъ, енисейскій barbe bleu, кулакъ NN, можетъ еще сбросить нѣсколько женъ съ своей башни и зачекотать нѣсколько дѣвицъ. Это будетъ свободное поле для созданія типа Ченчи. Возликуетъ извѣстный дѣятель С. на прискахъ и затянетъ потуже арканъ на шеѣ рабочаго. А въ городахъ будетъ ликованье, въ клубахъ—непубликуемые скандалы, въ домахъ—дебоши, на улицахъ—никѣмъ необличаемые грабежи! Это будетъ лафа гг. Т., Г., Н., В., М—ъ!

Ревнитель добыванія мамонтовой кости будетъ пить фельдфебельскую запоемъ, а на утро, съ красными глазами, явившемуся Кондрату скажетъ сначала мягко:

— Что? достигли благоденствія? Это все я!

А затѣмъ накинется и зарычитъ:

— „Сокрушу зубы грѣшникамъ!“—и сокрушитъ...

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Въ Парижѣ, на площади Республики воздвигнута статуя женщины въ громаднхъ размѣрахъ. Пьедесталь украшенъ символическими изображеніями, женщина держитъ въ рукѣ масличную вѣтвь. Статуя эта въ день годовщины французской республики, 14 іюля, будетъ названа „Республикою“. Анархисты къ этому дню національнаго торжества готовятъ демонстрацію, если только Луиза Мишель не будетъ освобождена. Нѣкоторые изъ гражданъ, задававшіе въ день 14 іюля пиры для цѣлаго околотка, объявили, что на этотъ разъ они отказываются отъ празднества и дома ихъ будутъ убраны чернымъ крепомъ. Анархисты готовятъ черныя знамена. Слухъ о непрочности министерства пока ничѣмъ не подтвержденъ. Французское военное вѣдомство дѣятельно занимается въ послѣднее время возведеніемъ новыхъ укрѣпленій для защиты марсельскаго порта. Укрѣпленія состоятъ изъ отдѣльных фортовъ внушительнаго профиля, вооружаемыхъ дальнобойными орудіями. Что-же касается до колоніальной

арміи, то составъ ея будетъ заключать 102,000 человекъ. Графъ Шамборъ опасно боленъ.

— Въ Египтѣ появилась холера, особенно въ Александріи, откуда жители выѣзжаютъ толпами. Опасаются распространения ея въ Европѣ, а потому устроены карантинныя.

— Въ Львовѣ 30 іюня состоялся первый галицко-русскій съѣздъ. На немъ участвовало до семи тысячъ русинскихъ патриотовъ, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ. Главными ораторами въ собраніи явились младо-русскіе общественные дѣятели. Предсѣдатель съѣзда докторъ Добрянскій, въ своей рѣчи, при открытіи сейма, между прочимъ выразилъ, что равноправность русиновъ съ другими народами существуетъ только на бумагѣ, что права ихъ ограничены во всѣхъ сферахъ общественной жизни и что они должны сообща обсудить свое положеніе и заявить о немъ министерству. Послѣ многихъ патриотическихъ рѣчей въ томъ-же духѣ, съѣздъ составилъ резолюцію, гдѣ требуется, чтобы правительство издало законъ въ пользу русинскаго меньшинства львовскаго сейма и чтобы оно позаботилось о примѣненіи на практикѣ всѣхъ законовъ и распоряженій, изданныхъ для Галиціи, особенно же относительно знанія и употребленія русинскаго языка чиновниками, въ русинскихъ частяхъ Галиціи. Отъ правительства требуется также, чтобы оно отмѣнило распоряженіе намѣстничества отъ 1873 года касательно замѣны въ официальныхъ жалобахъ русинскаго алфавита латинскимъ. Далѣе резолюція приглашаетъ русиновъ основать во всѣхъ восточно-галицкихъ уѣздахъ политическіе союзы и заботиться о томъ, чтобы всѣ русинскіе союзы и общества въ своей перепискѣ съ правительственными и автономными органами употребляли русинскій языкъ. Въ заключеніе составители резолюціи просятъ русинскихъ депутатовъ внести на сеймъ предложенія въ смыслѣ той-же резолюціи, а въ случаѣ протеста со стороны сеймскаго большинства, сложить съ себя полномочія. Резолюція эта принята единогласно, при громкихъ рукоплесканіяхъ. Во время засѣданія были получены сочувственныя телеграммы изъ разныхъ городовъ и общинъ.

— Турецкое правительство фактически ничѣмъ не проявляетъ своихъ обѣщаній относительно реформъ въ Арменіи. Напротивъ, оно болѣе озабочено укрѣпленіемъ Эрзерума и другихъ пунктовъ на границахъ Россіи, чѣмъ проведеніемъ какихъ-либо реформъ. Въ провинціяхъ же возникаетъ полная анархія. Близъ Багдада была на-дняхъ серьезная стычка между возмущившимися арабскими племенами и регулярными турецкими войсками. Обѣ стороны потеряли по 250 человекъ убитыми. Съ острова Крита заявлено, что если Турція не приметъ его ходатайствъ о реформахъ, то тамъ неминуемо вспыхнетъ возстаніе; наконецъ, въ Албаніи столкновенія между горными племенами и турецкими войсками продолжаются.

— Официозный органъ князя Бисмарка „Сѣверо-Германская Всеобщая Газета“ отставку Беннигсена приписала дѣйствіямъ либеральной партіи и шаткости парламента. Статьи названной газеты были до того настойчивы, что вызвали письмо Беннигсена на имя комитета національно-либеральной партіи, письмо, служащее отвѣтомъ на выходки газеты. Въ этомъ письмѣ Беннигсенъ высказалъ съ полной откровенностію, что въ послѣдніе годы, особенно въ прошлую весну, онъ убѣдился, что направленіе, принятое въ отношеніи внутреннихъ дѣлъ, и противоположность, которая все болѣе и болѣе обнаруживается между имперскимъ правительствомъ и парламентомъ въ самыхъ существенныхъ вопросахъ, сдѣлали невозможною всякую полезную дѣятельность. На это письмо „Сѣверо-Германская Газета“ отвѣчала, что о противоположности между правительствомъ и парламентомъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ парламентъ не имѣетъ прочнаго большинства, что князь Бисмаркъ потому разошелся съ либералами, что считалъ ихъ требованія конституціонныхъ гарантій вредными для государства и, наконецъ, что канцлеръ легко можетъ привлечь снова на свою сторону

либераловъ, если только проникнется убѣжденіемъ, что парламентскій режимъ удобенъ и полезенъ. Сынъ Крашевскаго хлопочетъ о разрѣшеніи ему свиданія съ отцемъ. Въ Карлсбадѣ открытъ памятникъ Гете.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— 24-го іюня, Правительственное сообщеніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія для огражденія южныхъ предѣловъ отъ холеры: „всѣ суда, прибывающія въ черноморскіе порты изъ египетскихъ и другихъ портовъ Средиземнаго и Чернаго морей, съ нечистымъ патентомъ по азіатской холерѣ, также людей и ихъ пожитки подвергать семидневной обсерваціи. Приостановлена выдача паспортовъ русскимъ подданнымъ и мусульманамъ, отправляющимся въ Мекку. Парходамъ добровольнаго флота, слѣдующимъ въ восточную Сибирь съ арестантами, воспрещено останавливаться въ зараженныхъ холерой египетскихъ портахъ. Русское общество пароходства и торговли и другія общества, содержащія срочныя сообщенія съ Константинополемъ и египетскими портами, обязаны имѣть на время эпидеміи судовыхъ врачей“.

— Истребленіе саранчи въ области Войска Донскаго идетъ успѣшно; въ нѣкоторыхъ округахъ она окончательно истреблена.

— На съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Одессѣ предполагается обсудить окончательно составленные уже въ кружкахъ ученыхъ проекты учрежденія новыхъ ученыхъ обществъ: антропологическаго, метеорологическаго и астрономическаго. Кромѣ того, ожидаются доклады по вопросу объ учрежденіи центрального естественно-историческаго и врачебнаго музеевъ, областныхъ естественно-историческихъ и этнографическихъ музеевъ и врачебнаго института, высшаго ученаго медицинскаго учрежденія. („Нов. Время“).

— Подписка на предпринятое въ городѣ Ярославлѣ Л. Н. Трефолевымъ изданіе въ свѣтъ перваго провинціального журнала въ Россіи: „Уединенный Пошехонецъ“, вполне состоялась. Подписка сдѣлана на 450 экземпляровъ, по 2 р. за каждый; изданіе выйдеть въ свѣтъ въ концѣ іюля или въ началѣ августа этого года.

— Попечителемъ казанскаго учебнаго округа, вмѣсто г. Шестакова, уволеннаго согласно прошенію отъ службы, назначенъ членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Масленниковъ.

— „Русск. Кур.“ сообщаютъ, что министерство народнаго просвѣщенія признало необходимымъ назначать профессорамъ университетовъ за выслугу 25-ти лѣтъ пенсію въ размѣрѣ полного оклада ихъ жалованья, т.-е. 2,400 р.

— „Русск. Вѣд.“ пишутъ изъ Архангельска, что въ силу Всемилоствѣйшаго манифеста по всей губерніи освобождаются тѣ изъ уголовныхъ ссыльныхъ, которые пробыли въ ссылкѣ болѣе 10 лѣтъ. Кромѣ этой категоріи ссыльныхъ, освобождены еще нѣсколько политическихъ поднадзорныхъ, имѣвшихъ пробыть еще въ ссылкѣ по пяти лѣтъ, равно какъ и тѣ, которымъ срокъ ссылки кончался осенью текущаго года. Сосланные по возстанію 1863 г., хотя и освобождены, но не имѣютъ средствъ вернуться на родину; въ выдачѣ пособій отъ казны имъ отказано.

— Нѣсколькими профессорами въ іюнѣ мѣсяцѣ предполагается открыть въ михайловскомъ манежѣ рядъ народныхъ публичныхъ лекцій, сборъ съ которыхъ предназначается на образованіе фонда женскихъ врачебныхъ курсовъ.

— Надняхъ на разсмотрѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ будетъ представленъ проектъ устройства рабочихъ земледѣльческихъ колоній для лицъ, приговариваемыхъ обществами къ отдачѣ на заработки („Нов. Вр.“).

— Въ тульскомъ окружномъ судѣ находилось въ произ-

водствѣ дѣло о кукуевской катастрофѣ, по которому къ уголовной отвѣтственности были привлечены слѣдующія лица: директоръ московско-курской желѣзной дороги Шестаковъ, главный инженеръ Домбровский, начальникъ дистанціи Доукинъ, дорожный мастеръ Ефремовъ, артельный староста Гришинъ и путевой сторожъ Власовъ. Предварительное слѣдствіе вмѣщалось въ четырехъ томахъ, а слѣдующіе еще три тома содержали въ себѣ планы мѣстностей, гдѣ произошла катастрофа. Обвиненіе предполагало вызвать къ судебному слѣдствію около 50-ти свидѣтелей. Всѣ безъ исключенія подсудимые предавались суду безъ участія присяжныхъ застѣателей. Въ настоящее время дѣло это, въ силу воспрѣдывавшаго 15-го мая Всемилостивѣйшаго манифеста, дальнѣйшимъ производствомъ въ порядкѣ уголовномъ прекращено и остается безъ разсмотрѣнія. (Н. В.).

— Носятся слухи о возобновленіи серебрянаго производства въ Нерчинскомъ округѣ, причѣмъ работы будутъ возложены исключительно на ссыльно-каторжныхъ, которые, по окончаніи срока работъ, будутъ селиться при рудникахъ для занятія сельскимъ хозяйствомъ („Русск. Кур“).

— По случаю имѣющаго быть въ нынѣшнемъ году окончательнаго разграниченія между Россіей и Китаемъ, согласно заключенному послѣднему китайскому трактату, военное министерство предполагаетъ, какъ передаютъ „Моск. Вѣд.“, командировать въ непродолжительномъ времени на границу нѣсколько человекъ офицеровъ и топографовъ для болѣе правильнаго и точнаго опредѣленія стратегической части новой границы и развѣдокъ, съ цѣлью ея укрѣпленія. Такъ, уже въ настоящее время артиллерійскій капитанъ Тарновскій путешествуетъ по восточной части Манджурии, гдѣ, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе на административныя учрежденія и военныя силы Китая и ведетъ топографическую съемку мѣстностей.

— Въ „Митавской Газ.“ помѣщенъ слѣдующій циркуляръ по всѣмъ городскимъ и сельскимъ полицейскимъ окружнымъ и общиннымъ управленіямъ г. курляндскаго губернатора:

„Такъ какъ съ нѣкотораго времени „латышскія общества“, которыя по своему уставу должны служить лишь средствомъ большаго единенія членовъ кружка, приняла явный агитаторскій характеръ и поддерживаютъ постоянно возрастающее волненіе между сельскимъ населеніемъ ввѣренной мнѣ губерніи, то я настоящимъ циркуляромъ опять подтверждаю прежнія, изданныя мною постановленія, касающіяся этихъ обществъ, и вмѣняю въ обязанность всѣмъ городскимъ и сельскимъ полицейскимъ правленіямъ предпринимать самыя энергическія мѣры противъ дѣйствій „латышскихъ обществъ“, несогласующихся съ ихъ уставомъ. Лицамъ, занимающимъ какія-либо должности, состоящимъ на какой-либо службѣ и состоящимъ, въ то же время, членами общества или присутствующимъ на собраніяхъ общества въ качествѣ гостей, я напоминаю, что ихъ служебное положеніе обязываетъ ихъ подать своимъ поведеніемъ и отношеніемъ къ дѣятельности общества хорошій примѣръ всему сельскому населенію и склонить ихъ къ соблюденію всѣхъ законныхъ постановленій. Окружнымъ судамъ, какъ учрежденіямъ, обязаннымъ имѣть надзоръ, я вмѣняю въ обязанность уяснить должностнымъ лицамъ общины ихъ права и обязанности и обратить ихъ вниманіе на тяжелую отвѣтственность, которой они подвергаются при несоблюденіи ихъ. „Рижскому латышскому обществу“, такъ же какъ и всѣмъ курляндскимъ „латышскимъ обществамъ“, въ которыхъ я числюсь почетнымъ членомъ, я симъ предлагаю исключить меня изъ числа почетныхъ членовъ. Курляндское губернское начальство попрежнему готово дѣлать все, что только въ его силахъ, для матеріальнаго и умственнаго развитія всѣхъ классовъ населенія губерніи, безъ различія національности, но въ то же время твердо рѣшилось всѣми законными средствами, которыя лежатъ въ предѣлахъ его власти, преслѣдовать и подавить проявляющіяся въ странѣ тенденціи партіи переворота. Митава, дворецъ, 21-го мая 1883 г. Курляндскій губернаторъ, тайный совѣтникъ фонъ-Дилленфельдъ“ („Русск. Вѣд.“).

— „Новости“ слышали, что тюремное попечительство обратило вниманіе на то, чтобы заключенные, подлежащіе ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, обучались во время заключенія различнымъ мастерствамъ и ремесламъ. Большинство арестантовъ предпочитаетъ обученіе ремеслу—обученію грамотѣ.

— Телеграмма „Сѣв. Телегр. Агенст.“ извѣщаетъ: Иркутскъ 20-го іюня. Корреспондентъ иркутскаго статистическаго комитета сообщилъ 18-го числа, что авгарскіе пороги, считавшіеся до сихъ поръ непроходимыми для паровыхъ судовъ, пройдены 11-го іюня мѣстнымъ уроженцемъ Калистратовымъ на винтовомъ восьми-сильномъ катерѣ морской конструкции, сидящимъ въ водѣ на шесть четвертей и построенномъ на счетъ Сибирика на мѣстномъ желѣзо-дѣлательномъ заводѣ Бутиныхъ. Извѣстіе это возбудило здѣсь удивленіе въ администраціи и коммерческомъ мірѣ. Прохожденіе катеромъ опаснѣйшаго порога „Падунъ“, высота паденія котораго около семи сажень, было произведено на глазахъ множества мѣстныхъ жителей, которые считали, что катеръ идетъ на вѣрную гибель. Калистратовъ на катерѣ отирается для изслѣдованія пороговъ „Долгаго“ и „Шаманскаго“, которые онъ считаетъ уже менѣе опасными, причѣмъ обѣщаетъ дать знать о себѣ съ устья Илима и изъ Енисейска.

— Телеграмма изъ Томска. 22-го іюня. Пароходъ Подаруева „Ершъ“ привезъ 3,000 переселенцевъ; умерло дорогой 30, 3 утонули; больныхъ холериной, скарлатиной и дифтеритомъ—83.

— Въ „Новомъ Времени“ напечатано что 25-го іюня въ Гейдельбергѣ умеръ бывший издатель „Петербургскихъ Вѣдомостей“ и „Загравичнаго Вѣстника“ В. О. Коршъ.

— Въ прошломъ № у насъ было перепечатано извѣстіе объ образованіи комиссіи по средне-азиатскимъ дѣламъ изъ газеты „Новости“, а вмѣстѣ была перепечатана и ошибочно фамилія русскаго посла въ Китаѣ, г. Струве. Г. Струве былъ года два тому назадъ посломъ въ Японію, а не въ Китаѣ. Нашимъ-же посломъ въ Пекинъ назначенъ въ этомъ году И. С. Поповъ.

— Та же газета сообщила недавно о прибытіи 1,000 семей переселенцевъ моремъ на Амуръ; это невѣрно: по достовернымъ свѣдѣніямъ прибыло всего 250 семей, какъ положено перевозить ежегодно.

БИБЛИОГРАФІЯ.

СРЕДИ ТУНГУСОВЪ И ЯКУТОВЪ.

(Окончаніе).

Ferdinand Müller, *Unter Tungusen und Jakuten*, Leipzig, 1882. Уже знакомые съ Туруханскомъ, путешественники не ждали особенныхъ красотъ отъ Верхоянска, и все-таки ихъ скромныя ожиданія оказались преувеличенными. Церковь, домъ священника, домъ правника, гордость верхоянцевъ—двухъ-этажный домъ купца Горохова, еще два, три дома и нѣсколько юртъ, вотъ и весь Верхоянскъ. Гороховъ, въ домѣ котораго остановились путешественники, оказался молодымъ человекомъ лѣтъ 30, относительно очень образованнымъ; онъ играетъ на скрипкѣ, выписываетъ «Петербург. Вѣдомости» и занимается фотографіей. Верхоянскіе и колымскіе купцы проводятъ обыкновенно часть времени, именно отъ іюля до конца октября въ Якутскѣ, гдѣ они покупаютъ европейскіе и колониальные товары, муку и вообще все, чего въ верхоянскомъ и колымскомъ краѣ нѣтъ, а съ наступленіемъ зимы доставляютъ эти товары на мѣсто. Они употребляютъ для этого вьючныхъ лошадей и сами ѣдутъ верхомъ; богатые купцы имѣютъ до 100—200 вьючныхъ животныхъ; для прокорма этихъ лошадей, купцы, проводящіе большую часть жизни въ странствованіяхъ, устрояютъ склады сѣна подъ надзоромъ нанятыхъ инородцевъ; несмотря на зимніе холода (путешествія эти длятся по нѣсколько мѣсяцевъ при температурѣ—30 до 40° R), зимній путь предпочитается между прочимъ кажется за краткость, такъ какъ болота, которыя лѣтомъ пришлось бы обходить, въ это время замерзаютъ. Нельзя не указать на то обстоятельство, что благодѣянія этой торговли, доставляющей на отдаленные западные рынки дорогіе мѣха и слоновую кость, для дикарей сѣверной Сибири не особенно велики. Даба, которую здѣшніе купцы доставляютъ инородцамъ, не дорога, но плоха, такъ

что рубаха носится только нѣсколько дней и распадается на лохмотья; порохъ необыкновенно дорогъ, такъ что птицъ инородцы не стрѣляютъ, жалѣючи порохъ и приберегая его для крупной дичи. Отъ этого дичь здѣсь вовсе не пуглива; утки взлетаютъ отъ выстрѣла и на томъ же кругу садятся на прежнее мѣсто. Свинецъ составляетъ фамильную драгоценность. Пули, пущенныя въ звѣря, снова разыскиваются въ лѣсу, на что тратится иногда нѣсколько дней. Во время перехода на Оленекъ, Чекановскій нанималъ одного тунгуса въ вожаки, у котораго сынъ ушелъ уже нѣсколько дней назадъ искать выстрѣленную пулю; семья обладала всего тремя пулями. Не слѣдуетъ ли правительству сдѣлать льготы по торговлѣ порохомъ и свинцомъ въ сѣверной Сибири, въ виду такой нужды въ немъ жителей тундры и въ виду случаевъ голодной смерти и вымиранія, о которыхъ время отъ времени извѣщаютъ газетныя извѣстія? Последняя глава книги г. Миллера озаглавлена: «Сибирь, земля и люди». Въ ней онъ немногими чертами описываетъ впечатлѣніе, которое произвела на него южная Сибирь и жизнь въ ней. Сибирь въ Европѣ, говоритъ онъ, слыветъ страной ужаса, пустыней съ безконечными лѣсами, въ которыхъ чувствуютъ себя хорошо только медвѣдь да соболь, страной съ жидкимъ населеніемъ, состоящимъ изъ ссыльныхъ, изъ подонковъ общества. Какъ многое другое, Сибирь гораздо лучше своей славы. Что Сибирь страна хорошая—это слѣдуетъ уже изъ того, что ея обитатели питаютъ къ ней большую любовь, и вдали отъ родины тоскуютъ по ней, какъ швейцарцы о своихъ горахъ. Но это можно сказать не объ однихъ уроженцахъ ея; я знаю, говоритъ г. Миллеръ, европейцевъ, которые, проживъ долго въ Сибири и возвратившись въ Европу, не могли тамъ остаться и снова перетянулись на отдаленный востокъ; еще болѣе—сосланные поляки, по освобожденіи, отправлялись на родину, но, почувствовавъ тоску по Сибири, вновь добровольно возвращались въ нее. Отдавъ дань похвалъ красотамъ природы южной Сибири, г. Миллеръ дѣлаетъ благоприятный отзывъ о сибирскомъ климатѣ, ея флорѣ и фаунѣ. Сибирскому климату онъ отдаетъ предпочтеніе передъ, наприм. варшавскимъ за его постоянство и сухость. Последнее его свойство хотя непріятно любителямъ музыки, потому что фортепьяно, приготовленныя въ сыромъ климатѣ, послѣ непродолжительнаго употребленія становятся негодными, за то въ Сибири неизвѣстны болѣзни легкихъ. По поводу роскошной растительности Сибири авторъ говоритъ: «не безъ основанія сибиряки съ гордостью утверждаютъ, что ихъ страна лѣтомъ подобна цвѣтущему саду». Закончивъ свой очеркъ богатствъ Сибири указаніемъ ея минеральныхъ запасовъ, каменнаго угля, золота, онъ говоритъ: «можетъ быть въ моемъ очеркѣ найдутся черты, которыя напоминаютъ сѣверную Америку»; и продолжаетъ: «Подобно сѣверной Америкѣ, и Сибирь есть страна будущаго, конечно только болѣе отдаленнаго, потому что въ то время, какъ первая въ половинѣ послѣдняго столѣтія выдвинулась съ неизвѣстной въ исторіи быстротой и энергіей и обогнала во многихъ вещахъ свою метрополию, Европу, въ Сибири едва открываешь первые ростки возникающей культуры. Для этого различія есть конечно основанія. Сѣверная Америка очень выгодно поставлена для развитія всемірной торговли между двумя океанами; внутренность ея имѣетъ большую систему Миссисипи и сѣверныхъ озеръ. Не то Сибирь; и она омывается двумя морями, но опасными для мореплаванія и доступными только на небольшой періодъ времени. Съ юга къ ней прилегалъ замкнувшійся въ себя Китай, отдѣленный притомъ отъ нея пустынями. Затѣмъ одна изъ главныхъ причинъ слабого развитія заключается въ характерѣ ея колонизаціи. Авторъ имѣетъ въ виду ссылку. И въ Америку, конечно, немало идетъ людей, которые убѣгаютъ отъ европейской полиціи и тюрьмы, но они тонутъ незамѣтно въ ея массѣ, не имѣютъ никакого вліянія на ея жизнь и если и не исправляются, то все-таки оказываются безвредными. Въ скудно населенной Сибири это дѣло стоитъ иначе. Впрочемъ, говоритъ авторъ, въ послѣднее время вопросъ этотъ обратился на себя вниманіе какъ сибирскаго общества, такъ и правительства. Города сибирскіе сдѣлали значительные успѣхи, и въ мѣстномъ населеніи все настойчивѣе и сильнѣе становится желаніе, чтобы край не служилъ болѣе мѣстомъ ссылки. Правительство также ищетъ выхода и направляетъ часть ссылки на островъ Сахалинъ. Не слѣдуетъ однако о всей массѣ ссыльныхъ отзываться, какъ объ элементахъ вредныхъ. Иное значеніе для Сибири имѣли ссыльные поляки. Нельзя отрицать, что Сибирь имъ была многимъ обязана. Чекановскій,

вмѣстѣ съ которымъ г. Миллеръ совершилъ путешествіе на сѣверъ Сибири, былъ не единственный изъ поляковъ, который ревностно и съ толкомъ поработалъ для изученія Сибири. Сосланные медики принесли большую пользу своей практикой въ глухихъ мѣстахъ. До польской депортаціи, въ сибирскихъ городахъ почти были неизвѣстны гостиницы и рестораны; теперь нѣтъ города, гдѣ бы ихъ не было, и почти всѣ они въ рукахъ поляковъ. Одинъ кандидатъ математикъ основалъ мастерскую и магазинъ сапоговъ, обширнѣйшій въ Иркутскѣ; другой, уланскій полковникъ, занялся приготовленіемъ трубокъ, мундштуковъ, крышекъ для альбомовъ. Кромѣ того, много есть поляковъ портныхъ, булочниковъ, колбасниковъ и пр. Другое зло, зло кромѣ ссылки, заключается въ томъ, что, несмотря на льготы, трудно призвать туда на службу дѣйствительно добросовѣстныхъ чиновниковъ, особенно на высшіе посты, потому что не только сами чиновники, но иногда и само правительство на назначеніе въ Сибирь сановника смотритъ, какъ на изгнаніе. Особенно неохотно ѣдутъ туда многосемейные, имѣющіе дѣтей, потому что обученіе въ сибирскихъ училищахъ во всякомъ случаѣ стоитъ на низшей степени, чѣмъ въ Европейской Россіи. «Но молодому неженатому человѣку, заключаетъ авторъ свою рѣчь о сибирскомъ обществѣ, которому приходится заботиться только объ одной своей головѣ и у котораго есть добрая воля и рѣшимость пойти на встрѣчу сибирскимъ страхамъ, я и теперь посоветовалъ бы, хотя и не надолго, отправиться въ Сибирь. Я не только свое путешествіе въ Сибири, но и пребываніе въ Иркутскѣ причисляю къ пріятнѣйшимъ воспоминаніямъ моей жизни и многіе изъ моихъ знакомыхъ, какъ русскіе, такъ и нѣмцы, скажутъ то же самое».

Къ книгѣ приложена карта и четыре картинки.

Г. Потанинъ.

ОПЕЧАТКА.

Въ № 25 на сей 1883 г. «Восточнаго Обозрѣнія», на стран. 9-ой, въ 1-мъ столбцѣ, въ строкахъ 13—20, напечатано: «Если Соединенные Штаты Сѣверной Америки представляютъ всѣ вышеупомянутыя измѣненія въ нѣкоторый промежутокъ времени, то послѣдне-образовавшіяся колоніи съ вольными переселенцами, какъ, напр., австраійскія, а между ними, особенно Новая Зеландія, представляютъ эти измѣненія совершившимися въ самое короткое время, на памяти одного поколѣнія».

Слѣдуетъ читать: «Если Соединенные Штаты Сѣверной Америки представляютъ всѣ вышеупомянутыя измѣненія въ самомъ обширномъ размѣрѣ, то послѣдне-образовавшіяся колоніи, съ вольными переселенцами, какъ, напр., австраійскія, а между ними, особенно Новая Зеландія, представляютъ эти измѣненія совершившимися въ самое короткое время, на памяти одного поколѣнія».

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 28 іюня. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. 23¹/₂ пенс. за рубль, на Парижъ 247¹/₂ сант., на Гамбургъ 200³/₄ пфен. Полуимперіалы 8 р. 40 к.; рубли серебр. 1 р. 35¹/₂ к.; 5⁰/₁₀ бил. Госуд. Банка 1 вып. 96¹/₂, 2 вып. 94¹/₂, 3 вып. 93¹/₈, 4 вып. 93¹/₄, 5 вып. 94. Восточный заемъ 92¹/₈. Обл. Сиб. гор. кред. общ. 86¹/₈, обл. Моск. гор. кред. общ. 86³/₈, закл. лист. общ. взаимн. позем. кред. 139³/₄. 5¹/₂⁰/₁₀ рента 99⁵/₈, закл. лист. земск. банка Херс. губ. 89¹/₂. 6⁰/₁₀ закл. лист. Харьковск. зем. банка 92¹/₈, закл. лист. Тульск. з. б. 93⁵/₈, закл. лист. Московск. зем. банка 96, Саратов.-Симб. 83¹/₂. Акц. Сиб. част. ком. банка 250, акц. Сиб. уч. и ссуд. банка 440, акц. Волжск.-Комск. кред. банка 408, акц. Сибир. торг. банка 322, акц. Русск. общ. парох. и торог. 728, акц. парох. общ. „Самолетъ“ 198, акц. парох. общ. „Кавказъ и Меркурій“ 375, акц. Главн. общ. Россійск. ж. д. 256¹/₂, акц. Гряз.-Цариц. ж. д. 94¹/₂, акц. Курско-Кіевск. ж. д. 239¹/₂, акц. Рыбин.-оол. ж. д. 59¹/₂. 5⁰/₁₀ 1 выигр. заемъ 218¹/₂, 2 выигр. заемъ 210¹/₂. Настроеніе биржи съ курсомъ тихое съ наклонностію къ повышенію; съ выигрышными займами слабо по 218¹/₂ и 210³/₄ продавцы. Изъ желѣзнодорожныхъ акцій въ повышеніи Курск.-Кіевск. ж. д. 239³/₄ и предложеніи акц. главн. общ. Рос. ж. д. по 256 безъ покупателей. Дисконтъ 6 до 7⁰/₁₀, на Лондонъ 4, Парижъ 3, Гамбургъ 4.